

**Государственный литературный музей И.С.Тургенева
Тургеневское общество в Орле**

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК.

Орел. 2001

Государственный литературный музей И.С.Тургенева
Тургеневское общество в Орле

Тургеневский ежегодник.

Орел. 1999.

От составителей

"Тургеневский ежегодник" является периодическим изданием Государственного литературного музея И.С. Тургенева и Тургеневского общества в Орле. Задача этого сборника - представить разноплановую работу тургеноведов, музейных работников по изучению и популяризации классической литературы и прежде всего творческого наследия И.С. Тургенева.

"Ежегодник" предоставляет свои страницы литературоведам из Орла и других городов России, исследователям биографии И.С. Тургенева и тургеновских мест Орловщины, поэтам и прозаикам.

Сборник также знакомит читателей с разнообразными видами деятельности, проходящей в старейшем культурно-просветительном центре - государственном литературном музее И.С. Тургенева.

Оглавление.

Л.А.Балыкова, Л.В.Дмитрюхина. Музейный калейдоскоп. с. 4

I

200-летию А.С.Пушкина посвящается.

А.С.Пушкин в серии «Литературные портреты»	
Л. Серова. “Сбылось...”	с. 8
Н.Перовский. “Болдинская осень”	с. 8
В.Еремин. “Пушкин в изгнании”	с. 9
В.Корнева. “Натали”	с. 10
С.Тишина. “Пушкин”	с.10
Е.В.Тюхова. Академические журналы о Пушкине: Обзор юбилейных выпусков журналов "Русская литература" и "Известия Академии Наук"	с. 12
Т.Н.Иванова. Образ-символ окна у А.С.Пушкина и И.С.Тургенева («Евгений Онегин» и «Накануне»).	с. 19
Л.А.Балыкова. К пушкинским истокам стихотворного Послания И.С.Тургенева Фарнгагену фон Энзе.	с. 23
Л.М.Александрова. Из воспоминаний современника А.С.Пушкина.	с. 29
Л.М.Маричева. Несколько замечаний к лекции Апухтина о Пушкине в Орле.	с. 32

II

Вокруг Тургеневской энциклопедии

Л.А.Балыкова, Л.В.Дмитрюхина. Тургеневские чтения в Орле.	с. 39
О.Н.Осмоловский. Проблемы свободы в этике И.С.Тургенева и Ф.М.Достоевского.	с. 42
М.А.Шинков. К вопросу о типологии образа нигилиста в русской литературе.	с. 45
С.Д.Симеонова. "Русские" болгары (к вопросу о прототипах Инсарова).	с. 50
Т.Н.Архангельская. Толстой о Тургеневе. (По " Яснополянским запискам" Д.П.Маковицкого).	с. 54
Л.М.Александрова. Н.Н.Рашет (этюд к образу тургеневской женщины).	с. 62

- А.М.Кокин.** «В особенности поклонитесь Менцелю...» с. 67
- Т.М.Кривина.** Избранные страницы английской "тургенианы" 20-х - 30-х годов. (Вирджиния Вулф о русском писателе). с. 72
- Н.А.Куделько.** Тургеневские мотивы в современной русской прозе (Б.Екимов). Опыт сравнительно-типологического анализа. с. 77

III

По тургеневским местам

- С.Л.Жидкова.**
"Дело <...> предать забвению". с. 83
- Р.М.Алексина.** Городские усадьбы В.П.Тургеневой (Орел, Мценск). с. 89
- Л.В.Иванова.** Еще к истории Дома Калитиных в Орле. с. 96
- К.А.Седойкина.** Дом на Болховской (гостиница Иордан). с. 99
- С.А.Тишина.** В родовом гнезде И.С. Тургенева. с. 105

IV

С думой о Тургеневе

- Валерий Протасов.** Спасские аллеи. Глава из повести. «Последнее лето». с. 110
- Л.Н.Назарова.** Памяти В. А. Громова. с. 114

Л.А.Балыкова, Л.В.Дмитрюхина.

Музейный калейдоскоп.

Большинству непосвященных людей работа в музее представляется скучно-однообразной, а музейная жизнь рутинно-дремотной. Хотелось бы уверить читателей “Ежегодника” в несправедливости такого мнения. Помимо традиционных экскурсий по экспозиции в музее происходит много разнообразных и интересных событий, действительно напоминающих калейдоскоп. При музее действуют общественные объединения и клубы, в его стенах находят применение своим интересам и увлечениям люди разных возрастов и профессий.

1999 год был характерен прежде всего объединением имен А.С.Пушкина и И.С.Тургенева и прошел под знаком 200-летия великого русского поэта.

1. К 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина:

- открыта выставка “Земли чудесный посетитель”;
- проведена городская научная конференция “А.С.Пушкин и творчество писателей Орловского края”;
- проведено торжественное заседание, посвященное юбилейной дате;
- открыта выставка “Рисуем Пушкина”, - иллюстрации детей к произведениям поэта;
- проведена серия мероприятий для школьников “Талисман” (из цикла “Читаем Тургенева”);
- подготовлена для младших школьников театрализованная беседа “Сказки няни – сказки Пушкина”;
- состоялось 7 заседаний Тургеневского общества, посвященных пушкинской тематике под общим титулом “Орловская Пушкиниана”;
- состоялся литературно-музыкальный вечер “Пушкин в музыке”.

2. Любители литературы могли познакомиться с выставками:

- “Композиции по сказкам И.С.Тургенева” – работы учащихся ДХШ № 1;
- “Роман “Мастер и Маргарита” и его автор;
- “Гений поэзии и света” – к 200-летию со дня рождения И.-В.-Гёте;
- “Издравле сладостный союз” – поэты пушкинской поры;
- Книжной выставкой, посвященной 200-летию О. де Бальзака.

3. Неизменный интерес участников вызывали проводимые в музее вечера, литературные встречи и праздники, мероприятия традиционной “Тургеневской осени”:

- литературный праздник “Легенды и были Дворянского гнезда”, посвященный Дню города;
- Божественная Литургия в церкви Иоанна Крестителя и литературно-музыкальная композиция в день памяти Тургенева;
- презентация 2 и 3-го выпусков сборника “Тургениана”;
- IX Тургеневские чтения «Вокруг Тургеневской энциклопедии»;
- творческая встреча с писательницей из Москвы, автором книги о Тургеневе «Эпилог» – В.Н.Боровицкой;
- «Гений поэзии и света» – торжественное заседание, посвященное 250-летию со дня рождения Гёте, организованное и проведенное совместно с партнерским клубом «Орел – Оффенбах»;
- встречи в библиотечной комнате – «Гёте и авторы его круга в мемориальной библиотеке И.С.Тургенева»;
- сеансы в видеолектории музея «Дорогами Тургенева» с просмотром фильмов «Земля Тургенева», «По Парижу с Тургеневым», «Паломничество в Буживаль», «Русские в Баден-Бадене»;
- премьера спектакля «По усам текло, а в рот не попало» по пьесе драматурга конца XVIII – начала XIX века Н.П.Свечина в день рождения И.С.Тургенева. Спектакль поставлен театральной студией ОГУ (художественный руководитель Н.Н.Смоголь);
- экскурсии по историко-природному маршруту «Тургеневское Полесье»;
- продолжалась работа Тургеневского общества. В 1999 году было проведено 22 заседания по секциям «Литературоведение», «Литературное краеведение», «Поэзия», «Философский клуб».

I

200-летию А.С.Пушкина
посвящается

А.С.Пушкин в серии «Литературные портреты».

Поэтические вечера, проводимые в музее И.С.Тургенева под названием «Литературные портреты», не ограничиваются целью просветительства, напоминания о значительных поэтах ушедших поколений, нравственные, этические и эстетические идеалы которых для нас бесценны. Без преемственности, без использования всего лучшего, что создано многовековой человеческой культурой и завещано нам прошлым, невозможно движение вперед. Мы как бы прослеживаем путь развития поэзии от непревзойденных высот золотой пушкинской поры до современного ее состояния в нашей огромной стране, в местах, связанных со славным именем нашего земляка И.С.Тургенева. В наше время, когда с эстрады звучат огрубленные прозаические и порой пошлые тексты, положенные на музыку, мы считаем своим долгом показать молодежи и всем тем, у кого есть потребность в красоте слова и чувства, истинные ценности, которые не обесцениваются с годами, привить вкус к настоящей поэзии. Для более глубокого осмысления поэтической сути произведений того или иного поэта мы приглашаем профессионалов в этой области: литературоведа Г.Тюрина, литератора В.Протасова, поэтов В.Ермакова, Н.Перовского, В.Еремина и др.

Не забывая о влиянии, которое оказала зарубежная поэзия на творчество многих наших крупных поэтов, мы по возможности отмечаем и знаменательные даты выдающихся зарубежных мастеров поэтического слова.

Пушкинский юбилейный год, когда во всем мире с необыкновенной признательностью и любовью прозвучало его имя, мы символически закончили вечером под названием «Издревле сладостный союз...», посвященным влиянию творчества Пушкина, его нравственного воздействия на поэтов-современников, общности их взглядов на искусство, их святому братству. В наше время разъединения единого союза писателей и одновременно создания многочисленных кружков поэтов без общих взглядов на искусство, определенной концепции и достаточной подготовки к творчеству, союз, объединивший в свое время поэтов пушкинской поры, является для нас образцом.

Поддерживая молодых поэтов в их творческих начинаниях, мы надеемся на их присутствие при обсуждении поэзии более зрелых профессиональных поэтов, что принесло бы им немалую пользу.

Мы публикуем здесь несколько стихотворений орловских поэтов, посвященных 200-летию юбилею поэта.

«И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Сбылось ...

Мы на планете странники и гости,
Живут лишь имена.
И пушкинская лира на погосте
Веками не погребена.

Два века уж свидетели живые
Бессмертной силы пушкинских идей,
Как прежде, гений в годы роковые
Глаголом жжет сердца людей.

Какая мощь в немолкнувшем светиле!
В России ярче не было и нет.
Моря и твердь собою охватили
Божественные звук и свет.

Л.Серова.

Болдинская осень.

В глубине задремавшей России,
Где раскольничьи гнезда в скитах,
Ах, как пелось, скрипелось гусиным
В тех осенних ночах при свечах!

Что готовит судьба – неизвестно...
Пушкин в Болдине, Пушкин в тоске,
Потому что невеста прелестна,
Потому что невеста в Москве.

Потому что вокруг карантины,
Ни okazji, ни прочих вестей.
Выпить чаю, задернуть гардины
Да созвать в свою келью гостей.

Пелерины, плащи и камзолы,
Звон мечей и блистанье кирас,
Серенады и клятвы – глаголы
Всех времен, и наречий, и рас...

Пушкин плачет, поет и смеется,
Сыплет яд, соблазняет и лжет,
Сам себе и Сальери, и Моцарт,
Сам себе Дон Жуан, Дон Кихот...

Так, в плену смертоносной холеры,
Осенил его осень Господь,
Так летейные сны и химеры
Обретали обличье и плоть!

В глубине задремавшей России,
Где раскольничьи гнезда в скитах,
Ах, как пелось, скрипелось гусиным
В тех осенних ночах при свечах!

Н.Перовский.

Пушкин в изгнании.

Старик ловил неводом рыбу,
Старуха работала пряжу,
А море несло свою глыбу
Навстречу безлюдному пляжу.

Но вот по холодному небу
Промчались три юные тени,
По их непорочному следу
Три юных строки пролетели.

Свистели просторы тугие,
Алела заря на востоке.
За ними помчались другие
Почти невесомые строки.

И судя по солнечным брызгам,
Скользящим над бездной лукавой,
Был Пушкин из прошлого изгнан
И послан в погоню за славой.

В.Еремин.

Натали.

Жемчуга вокруг шеи,
 Лебяжий изгиб,
 Взгляд лучистый...
 Не вы ль, Натали,
 Поворотом головки,
 Улыбкой могли б
 Осчастливить?
 Не вы ли цвели
 Лепестком полевым,
 Вы, Пальмира, любви,
 Затмевая вельможный салон?
 Ножкой стройной, походкой
 Не вы ли свели
 Всех с ума?
 Не ваш фэтон
 Муз крылатых собрал
 Всех пространств и времен?
 И не к вам ли ваш Гений писал,
 И соперник его,
 Солнца бог Аполлон,
 Над строкою безумной вздыхал.
 В.Корнева.

Пушкин.

Нет, Родины другой он не желал!
 Он для России был рожден, поверьте!
 Он факелом мятежным пропылал,
 Величьем озарив свое бессмертье...

Ко мне пришел он в прелести стихов,
 Волшебных сказок – чудом вдохновенья,
 И гением добрейших из волхвов
 Дарил мне незабвенные мгновенья...

Он русский каждой клеткой существа –
 Проклятье злым вражеским наветам!
 Он связан с нами узами родства,
 Россией провинившейся воспетый...

Скорбит народ: как рано он угас!
В расцвете сил и помыслов высоких...
Но с наслажденьем пьем мы и сейчас
Его стихов пленительные соки!

И всякий раз когда ликует хам,
В лицо швыряя лжеученья,
Я обращаюсь к пушкинским стихам,
Лечусь их упоительным значеньем!..

С.Тишина.

Е.В.Тюхова

Академические журналы о Пушкине: Обзор юбилейных выпусков журналов "Русская литература" и "Известия Академии Наук"

Полный обзор литературы, появившейся в печати в год пушкинского юбилея, невозможен, а в рамках данной статьи невозможно даже простое перечисление всех публикаций, диапазон которых необычайно широк: от бульварной прессы до академических изданий, от потока компрометаций, ложных мифов о Пушкине-масоне и пророке до глубоких научных исследований. Пожалуй, самой неистовой в выражении «почти нечеловеческой ненависти к Пушкину» /И.Роднянская/ стала книга Анатолия Мадорского «Сатанинские зигзаги Пушкина» М.: "Поматур", 1998/. Прав Н.Н.Скатов: в наше время утраченных ценностей и полной безответственности «только наука, имеющая в виду строгие факты и опирающаяся на источники, способна сдерживать или ослабить юбилейный напор бесшабашности и легкомыслия»¹. Вот почему предметом нашего внимания стали авторитетные академические журналы юбилейного года, краткий обзор которых мы и начнем с цитированной статьи Н.Н.Скатова «Пушкин сегодня».

Важнейшую задачу науки о Пушкине на сегодняшний день автор видит в укреплении и расширении источниковедческой базы, а именно: «подготовку и издание п о л н о г о Пушкина», что «под силу только академической науке»². Обозначив основные вехи пути к новому академическому собранию сочинений поэта, Н.Н.Скатов особо подчеркнул его преемственные связи с Большим академическим изданием 1937-1949 годов, точнее, с его подлинно научными планами и принципами, не осуществленными тогда вполне в силу административного вмешательства. Среди «строительных лесов», помогающих выполнению этой задачи, ученый выделил факсимильное издание «Рабочих тетрадей» Пушкина в восьми томах, осуществленное Пушкинским домом при финансовой поддержке Форума лидеров бизнеса под патронажем принца Уэльского Чарльза.

Обсуждение принципов академического издания своевременно и по существу предложили А.Л.Гришунин в статье «Проблемы пушкинской текстологии в оценке Ю.Г.Оксмана»³, а также В.Д.Рак и С.А.Фомичев в разделе «Полемика» журнала «Русская литература» №2.

Используя архивные материалы, известный современный текстолог А.Л.Гришунин впервые подробно рассмотрел драматическую историю Большого Академического собрания сочинений Пушкина и

не менее драматичную судьбу его фактического редактора до 1937 года, Юлиана Григорьевича Оксмана, проделавшего огромную работу по подготовке издания и насильственно отстраненного от редактирования. По выходе собрания сочинений Ю.Г.Оксман указал на серьезные искажения и даже пропуски в академическом издании ряда пушкинских текстов, напечатанных ранее в других изданиях; на неверную датировку произведений (например, «Вольность» - I-II. 1819 г., а не 1817). Ряд своих поправок ученый сумел реализовать в дополнительном справочном томе академического издания в октябре 1954 г.

Существенные замечания в адрес уже нового академического издания сделал контрольный рецензент второго тома В.Д.Рак в статье «О тексте пушкинского послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...»» Анализируя черновики и публикуемый с 1938 года текст названного стихотворения, подготовленный И.Н.Медведевой, В.Д.Рак не только подвергает серьезной и обоснованной критике предложенную ею реконструкцию и поправки С.А.Фомичева, но, про существу, ставит под сомнение общие принципы публикации текстов в Большом академическом издании, принятые и редколлегией нового собрания сочинений поэта. Прежде всего исследователь не соглашается с одной из главных методологических установок: «извлекать из черновиков как можно более цельные художественные стихотворные произведения»⁴. С его точки зрения, нельзя в основном корпусе воспроизводить зачеркнутые автором слова и давать словесные конъектуры. С.А.Фомичев не согласился с такой позицией, приняв некоторые частные замечания.

При всех своих разногласиях участники спора солидарны в главном: «академическое издание должно не просто давать проверенный текст, но и гласно его обосновывать, не скрывая гипотетичности отдельных трактовок и давая соответствующие отсылки к другим точкам зрения»⁵. Однако, как свидетельствует полемика, с реализацией этого принципа не все обстоит благополучно.

Большинство юбилейных и предъюбилейных выпусков рецензируемых журналов посвящено отдельным произведениям Пушкина: «Руслану и Людмиле», «Борису Годунову», «Капитанской дочке», стихотворениям, но прежде всего – «Евгению Онегину». И всякий раз исследователи находят что-то новое, обще интересное в, казалось бы, всесторонне изученном произведении. Многослойный пушкинский текст открывается сегодняшнему читателю все новыми и новыми гранями. Так, А.М.Гуревич в статье «Евгений Онегин»: поэтика подражений» увидел в романе несовпадения предмета и характера изображения. Глубине и серьезности центральной темы романа о судьбе героя времени не соответствует характер и тон рас-

сказа – беглый, легкомысленный, что определяется, по мысли исследователя, не столько оглядкой на цензуру, сколько пронизательно подмеченным Пушкиным «противоречием между скрытыми возможностями личности и ее общественной невостребованностью»⁶. «В сюжете «Онегина», - пишет А.М.Гуревич, - это противоречие выступает как разрыв между повседневным, бытовым обликом героя и его глубинной сутью. Именно здесь «нерв» пушкинского романа в стихах». И «от читателя требуются усилия, чтобы понять истинный смысл «случайных» деталей, намеков...»⁷ «Поэтика подразумеваемый», как одна из особенностей романа, призвана преодолеть несоответствие предмета и характера изображения. «Высокой характеристике героя» способствуют сравнения с выдающимися современниками (с Чаадаевым, например), а также, как убедительно показал исследователь, - отсылки к другим авторам и произведениям.

Как бы развивая эту мысль, М.И.Шапир находит в «Евгении Онегине» «отзвуки» иронико-комической поэмы и бурлеска XVII-XVIII в.в., которые, считает ученый, многое определяют в поэтике романа⁸. Проведенный в статье в указанном аспекте анализ пародийного вступления (VII, гл.) к «Евгению Онегину», рассмотренному как стилистический ключ к роману, убеждает в справедливости исследователя и необходимости дальнейшей работы в указанном им направлении⁹.

Не менее сложную задачу – выявить еще более древние источники пушкинского текста и проследить процесс обретения ими нового смысла и значения в первой поэме Пушкина – ставит Н.К.Телетова в статье «Архаические истоки поэмы А.С.Пушкина «Руслан и Людмила»¹⁰. Такими «плодоносными источниками» поэмы названы нордические мифы, русская былина и волшебнo-фантастическая сказка XVIII – нач. XIX в.в. Они «были удивительным образом адаптированы, скомпонованы и, наконец, преобразованы поэтом с гениальным изяществом, лиризмом и шутливостью»¹¹. Этот процесс «гармонизации хаоса» эстетически тонко и убедительно рассматривается автором статьи.

В целом, тенденция включения творчества Пушкина в движущийся литературный процесс, в широкий историко-культурный контекст, выявления его истоков, связей и взаимодействия с национальными и инациональными явлениями литературы, культуры – эта тенденция характерна не только для рецензируемых изданий¹². Она отражает стремление современной научной мысли всесторонне понять и выявить пушкинский протеизм, в самом глубоком смысле слова, раскрыть значение личности поэта для отечественной и мировой культуры.

В ряде рецензируемых статей и сообщений такое "контекст-

ное" рассмотрение творчества Пушкина заявлено непосредственно уже в их названиях. В "Русской литературе" это: "Пушкин и Гораций: "Арион" Л.Г.Лейтона /США/, "Пушкин и Ламартин" Ефима Эткинда /Франция/, "Топот бледного коня" /к проблеме Пушкин и Апокалипсис/" В.А.Кошелева», "Достоевский и Пушкин /"Слабое сердце" и "Медный всадник"/" О.Г.Дилакторской, "Пушкин в прозе А.Ф.Писемского" Л.Л.Смирновой, "Пушкин - наше солнце" /к вопросу о восприятии Пушкина К.Бальмонтом/" П.В.Куприяновского и Н.А.Молчановой, В "Известиях Академии наук», СЛЯ - статьи: "Синтаксические клише в поэзии Пушкина и его современников" М.Л.Гаспарова, "Пушкин - Колар - Мицкевич" Л.Ж.Кациса и М.П.Одесского, а также уже рассмотренные работы о "Евгении Онегине"; в рубрике "Материалы и сообщения" - "Пушкин и Мицкевич /Опыт лексического сравнения/" А.Я.Шайкевича, "Жизнь как "Susse Gewohnheit" /Об одной немецкой цитате у Пушкина/" М.Ф.Мурьянова, "Пушкин и Катенин /необходимые уточнения/" М.В.Акимовой.

Авторы остальных статей тоже, как правило, не ограничиваются имманентным анализом пушкинских текстов. Так, С.В.Березкина, возвращаясь к истории создания "Пророка", вновь включает это стихотворение в декабристский контекст и опирается при этом на свидетельства современников его автора, особенно - А.Мицкевича, высказывание которого о Пушкине, с точки зрения исследовательницы, впервые предлагающей его перевод "в полном объеме", трактовалось ошибочно. Она пишет: "Вопреки мнению авторов религиозно-философского направления, Мицкевич в своей лекции говорил не о мистике, а о связи "Пророка" с историей декабризма"¹³. Однако и после интересной полемичной статьи С.В.Березкиной остается в силе заявление ее автора: "В творческой истории стихотворения проблематично все..."¹⁴

Свою версию о построении каменноостровского цикла Сергей Давыдов /США/ убедительно обосновывает, исходя из представления о христианской концепции последнего лирического цикла поэта¹⁵. В результате им предложен следующий порядок расположения текстов:

I - "Из Пиндемонти", II - "Отцы пустынноики и жены непорочны", III - "/Подражание италиянскому/", IV - "Мирская власть". V - "Когда за городом, задумчив, я брожу", VI - "Памятник". При этом учитывается и пушкинская нумерация четырех, написанных первыми, стихотворений, и наблюдения предшественников /С.А.Фомичева/

В сообщении В.Л.Битнера /США/ "Стихотворение А.С.Пушкина "Не дай мне бог сойти с ума" и рисунок "сумасшед-

шего дома"¹⁶ сделана попытка установить связь стихотворения с рисунком на л.99, об. рабочей тетради поэта ПД 838, который, по мысли автора, представляет собой графическое отражение одного из сюжетов романа Ч.Метьюрина "Мельмот Скиталец". Такой любопытный и вполне обоснованный ход позволил автору не только расшифровать не поддававшийся определенной интерпретации рисунок и определить его связь с творчеством Пушкина, но и выяснить обстоятельства и время написания стихотворения.

Вообще следует заметить, что большинство работ о лирике Пушкина представляют собой результат глубоких научных изысканий. Из названных выше можно выделить, помимо рассмотренных, весьма содержательную статью Л.Г.Лейтона /США/ "Пушкин и Гораций: "Арион"¹⁷. Несмотря на неоднократные обращения ученых к горацианским мотивам стихотворения, автору удалось, именно благодаря сопоставлению с Горацием, внести некоторые существенные уточнения в интерпретацию последнего четверостишия, расширить и углубить ее. В полемике с Т.Г.Мальчуковой¹⁸ он стремится доказать, что стихотворение "Арион" "основано на дохристианской символике произвола судьбы"¹⁹, а не на концепции Провидения. Однако в то же время автор не отрицает убедительности и тонкости аргументации Т.Г.Мальчуковой. Таким образом, проблема, хоть и не решена, но верно поставлена.

Как всегда, поражают своей выверенностью, точностью опирающиеся на статистические подсчеты выводы М.Л.Гаспарова, показавшего в своей статье отличие Пушкина от Жуковского и других современных ему поэтов в области синтаксиса: стремясь «сделать стих как можно более синтаксически естественным», Пушкин «ослабляет напряженность» «синтаксического ожидания»²⁰

Новую в пушкинистике тему затрагивает Ефим Эткинд, сопоставивший творчество Пушкина с поэзией Ламартина, его антипода "по философским, политическим и эстетическим воззрениям". Однако, считает ученый, Пушкин "отталкивается от нее, спорит с нею, стремится ее опровергнуть"/с.43/. Причем, "метафизике" Ламартина всюду противостоит историзм Пушкина, "поэта действительности"/с.70/.

Не менее любопытны работы Н.В.Перцова, обратившегося к анализу словесно-образной ткани стихотворения "Ответ"²², и особенно - В.С.Листова "К истолкованию пушкинского отрывка "Когда порой вспоминаешь..."²³. Опровергая гипотезу Анны Ахматовой, увидевшей в пушкинском отрывке отклик на трагедию декабристов, В.С.Листов, вслед за Б.В.Томашевским, считает, что в стихотворении "Когда порой вспоминаешь..." речь идет о Соловецких островах. Трактую образ "печального острова" по-своему, в евангельском

духе, /«пустыня», "пустынный остров"/, автор статьи связывает его с мечтой Пушкина-пророка о святой России.

Из представленных в журналах сообщений особый интерес, наряду со статьей В.Л.Битнера, представляет работа В.А.Кошелева «Топот бледного коня»: /к проблеме: Пушкин и Апокалипсис/»²⁴. В полемике с В.С.Листовым, усомнившимся в том, что в письме Пушкина А.И.Тургеневу от 7 мая 1821 г. /из Кишинева/ речь идет о "Гавриилиаде", В.А.Кошелев убедительно опровергает своего оппонента, обратившись к неопровержимой системе доказательств, в которой не последнюю роль сыграли четко охарактеризованные исследователем представления об Апокалипсисе, господствовавшие в светской культуре пушкинской эпохи».

Привлекают внимание читателей и публикации журнала "Русская литература": "Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова" Н.Н.Вихровой, "Письма к М.А.Цявловскому" В.Ф.Ходасевича /публикация Роберта Хьюза/, "Томаш Гарриг Масарик об А.С.Пушкине" /вступительная заметка и перевод В.А.Каменской и О.М.Малевица/.

Заключительные разделы журналов - тоже пушкинские. В "Обзорах и рецензиях" опубликована статья Стефано Гардзони "Итальянское пушкиноведение: /краткая характеристика/", а также положительные рецензии Р.Ю.Данилевского на книгу М.Вольфа "Масонство Пушкина: Введение в проблемы русских масонов и их значение для пушкинского творчества" /Мюнхен, 1998/ и Г.В.Краснова на книгу В.И.Кулешова "А.С.Пушкин. Научно-художественная биография" /М.:Наука, 1997/.

Итак, юбилейные выпуски рецензируемых журналов вносят серьезный вклад в отечественную и мировую пушкинистику. В публикуемых исследованиях поставлены существенные проблемы науки о Пушкине, открыты новые страницы в ней; творчество русского гения осмысливается в его истоках, многосторонних связях и перспективах. Однако читательские ожидания глобальных обобщений, соответствующих высокой дате, подведения итогов научных достижений, определения основных направлений дальнейшего изучения великого наследия, что по плечу только академической науке, оказались тщетными.

Примечания

1. Скатов Н.Н. Пушкин сегодня // Русская литература.- 1999. - № 2.-С.5
2. Там же.
3. См.: Известия Академии наук, СЛЯ. - 1999. - Т.58. - №3.-

С.17.

4. Русская литература. - 1999.- № 2. - С.124.

5. Фомичев С.А. Ответ В.Д.Раку // Там же. - С.156.

6. Известия Академии наук. -Указ. № - С.26.

7. Там же. - С. 27.

8. См.: Шапиро М.И. "... Хоть поздно, а вступленье есть" ("Евгений Онегин" и поэтика бурлеска) //Там же. - С.31-35.

9. См.также ст.: Соколянский М.Г. Ирония в романе "Евгений Онегин" // Известия Академии наук. -1999.- №2. - С.34-43.

10. См.: Русская литература,- 1999. - № 2.- С.10-26.

11. Там же. - С. 26.

12. См., напр., в "Вестнике московского университета" 1999г. ст.: Кусков В.В. Молитва у С.Пушкина (№ 2), Смирнов А.А. Поэтизация легенды в романтической лирике А.С.Пушкина, Зыкова Г.В. Пушкин и Шевырев: к проблеме «московской школы», Колобаева Л.А. Тайна пушкинской «легкости» в прозе И.А.Булгина (№ 3); в «Известиях Академии наук»,СЛЯ.1999г., № 2: Тамарченко Н.Д. «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России.

13. Березкина С.В. «Пророк» Пушкина: современные проблемы изучения //Русская литература. - 1999. - № 2.- С.36.

14. Там же. - С.41.

15. См.: Давыдов Сергей. Последний лирический цикл Пушкина // Там же. - С.86-108.

16. См.: Там же. - С.198-205.

17. См. там же. - С.71-85.

18. См.: Мальчукова Т. Г. 0 гораианских реминисценциях в стихотворении А.С.Пушкина "Арион"// Notatiana - СПб., 1992. - Вып. 4. - С.198 - 210.

19. Русская литература. - 1999. - № 2. - С.83.

20. Гаспаров М.Л. Синтаксические клише поэзии Пушкина и его современников // Известия Академии наук. - 1999. - № 3. - С.25.

21. Эткинд Ефим. Пушкин и Ламартин //Русская литература.-Указ. №. - С.43-70. Далее ссылки даются в тексте.

22. Перцов Н.В. Разнообразие в рамках однообразия (0 стихотворении Пушкина "Ответ") // Известия...-С.36-42.

23. См. там же. - С.43-52.

24. См.: Русская литература. - 1999. - № 2. - С.157-164.

Т.Н.Иванова.

Образ-символ окна у А.С.Пушкина и И.С.Тургенева («Евгений Онегин» и «Накануне»).

Образ окна нередко используется в художественных произведениях. В одних случаях в качестве декорации, как часть того фона, на котором разворачивается действие, в других же несет в себе большую семантическую нагрузку, помогая читателю глубже проникнуть в ход повествования, увидеть определенные черты героев, понять нюансы их поведения, а порой раскрыть логику их характеров, одновременно приоткрыв для нас сокровенные мысли самого автора.

Традиция использования образа окна для отображения мечтаний героев (а чаще – героинь) восходит к сентиментальным произведениям. Позже ее перенимают романтики. Новое привносит в этот образ А.С.Пушкин в «Евгении Онегине», неизменно связывая его с главной героиней романа. «Для изображения эмоциональной напряженности и душевной глубины Татьяны Пушкин безошибочно выбирает окно. Пограничный локус окна, отверстия, которое ведет из обжитого дома в неизведанное открытое пространство (а ночью в черную бездну), превосходно передает и душевное томление (шиллеровское *Sehnsucht*), и родственное ему мучительное ожидание, что важно для характеристики героини»¹, - пишет исследователь В.Щукин.

Образ окна появляется при первом же представлении Татьяны читателю:

Итак, она звалась Татьяной,

/.../

Дитя сама, в толпе детей

Играть и прыгать не хотела

И часто целый день одна

Сидела молча у окна.

Образ окна появляется при изображении важных моментов в жизни Татьяны, помогая передать глубину ее чувств, открыть ее заветные устремления. Открыв для себя любовь к Онегину, Татьяна пытается решить, что ей делать, предпринять, как жить с этим чувством. В поиске ответа она снова интуитивно обращается к окну как к выходу в мир, содержащий истину, способный помочь ей найти верное решение. Лунный свет, струящийся из окна, озаряя ее сознание, подсказывает ее сердцу верный путь. С «подсказки» спутницы-

луны, находящейся по ту сторону окна, Татьяна отваживается на написание любовного послания Онегину.

И сердцем далеко носилась
 Татьяна смотрит на луну... (?)
 Вдруг мысль в уме ее родилась...
 «Поди, оставь меня одну.
 Дай, няня, мне перо, бумагу,
 Да стол подвинь, я скоро лягу,
 Прости». И вот она одна.
 Все тихо. Светит ей луна.
 Облокотясь, Татьяна пишет...

В ожидании появления Онегина после отправления письма Татьяна томится в неведении своей дальнейшей судьбы. Чтобы избавиться от тяжелой неопределенности, она снова обращает свой взгляд в окно. Но за ним сумерки, темнота, а, значит, та же неопределенность. Тем не менее, именно около темного окна возникают ясные мысли, самые смелые мечтания и иллюзии. Окну Татьяна доверяет тайну своего любовного чувства, не найдя возможности открыться кому-то из близких, она уже столкнулась с непониманием своего внутреннего состояния со стороны няни. Держать все в себе Татьяна не может, сокровенное вырывается наружу произвольно:

Татьяна пред окном стояла,
 На стекла хладные дыша,
 Задумавшись, моя душа,
 Прелестным пальчиком писала
 На отуманенном стекле
 Заветный вензель О да Е.

Примечательно, что после решительного объяснения Онегина с Татьяной в саду, «окно» не появляется при изображении героини. Нет перспективы за окном – нет перспективы в развитии отношений между Татьяной и ее возлюбленным. Героиня замыкается в себе, хоронит внутри себя свое чувство – окно во внешний мир закрывается. Тем мечтам, которые лелеяла Татьяна, сидя у окна, не суждено сбыться. И в окне, как символу ее девических мечтаний и надежд, отпадает необходимость. Иллюзии утрачены. Для героини наступает момент, когда следует взглянуть на настоящий мир не сквозь оконное стекло идеализированных представлений, а войти в него, в этот мир, со всеми его жесткими, не соответствующими желаемому реалиями.

Итак, образ окна «Евгения Онегина» символичен.

Те же функции выполняет образ окна в романе «Накануне», и здесь он важен для характеристики внутреннего состояния главной героини романа Елены Стаховой: «Проводить каждый вечер около четверти часа у окна своей комнаты вошло у нее в привычку». Если для Татьяны взгляд в окно – это выражение ее мечтаний, у Елены – это размышление. Так, в ночи, за окном, в открытом пространстве героиня ищет ответы на еще не поставленные вопросы, пытается увидеть нечто конкретное, определенное. Но пространство чаще, наоборот, уводит от определенности, что-то приоткрывается, но не поддается полному пониманию.

Окно у Тургенева символизирует и мучительное ожидание героиней коренных изменений в своей жизни. Окно, небо, протянутые к небу руки – эти характерные для романтиков образы присутствуют и у Тургенева, но получают иное наполнение в соответствии с философией «космического пессимизма» писателя: недостижимость неба для того, кто в окне – смертного человека. Это пространство возможно видеть, но невозможно объять, возможно стремление к нему, но нет достижения его. Окно – это открывающаяся перспектива и одновременно предел, граница между светом и тьмой, между понятным и непостижимым.

Значимый эпизод в Царицыно завершается именно этим образом: «Елена пожалала в первый раз руку Инсарову и долго не раздевалась, сидя под окном». Елена открывает новые черты в своем возлюбленном, выходит из темноты незнания к свету – из замкнутого пространства темной комнаты к открытому пространству за окном. Границы расширяются: становясь ближе к Инсарову, Елена становится ближе и к окружающему миру.

Локус окна при изображении ожидания Еленой встречи с Инсаровым для решительного объяснения. «Елена то сидела на кровати, обняв колени руками и положив на них голову, то подходила к окну, прикладываясь горячим лбом к холодному стеклу и думала, думала, до изнурения думала все одни и те же думы». В Елене зреет смелое решение, перед ней открывается собственное будущее и конкретно обрисовывается. Эта внутренняя ясность получает внешнее выражение, подтверждение извне – свет из окна: «Первые огнистые лучи солнца ударили в ее комнату... «О, если он меня любит!» - воскликнула она вдруг, и, не стыдясь озарившего ее света, раскрыла свои объятия...»

Далее замечательно, что образ окна надолго исчезает из повествования (от объяснения с Инсаровым в часовне вплоть до сцен в Венеции – это предельно ясный период в жизни Елены). Героиня сделала выбор и смело следует ему. Она находит выход в мир через

Инсарова и на Инсарове на его деле, а по существу, на чувстве любви к нему, для нее этот мир и замыкается. Все ясно в ее дальнейшем существовании, по крайней мере, для самой героини. Нет никаких вопросов, следовательно, отпадает необходимость искать на них ответы, а символом именно этих поисков явилось окно в первой части романа. Окно закрывается – Елена отгораживается от мира, концентрируясь на личностных устремлениях.

В критический момент жизни для героини снова возникает образ окна. С приближающейся потерей Инсарова Елена теряет все опоры, смысл своего существования, она снова в поиске и в беспокойстве и нуждается в поддержке извне. Снова взор героини обращается за пределы замкнутого пространства, в окно. Там, перед прекрасным видом на церковь и море (что-то безграничное и неизданное), Елена погружается в размышления о жизни и смерти, о счастье и горе, о своей вине. Пограничный локус окна инспирирует ее душевные переживания.

Образ окна неоднократно появляется и в последних сценах в Венеции как символ напряженности дум Елены о справедливости миропорядка. Здесь он возникает в новом качестве, парадоксально: мир за открытым окном – это уже закрытый для героини мир. Морской простор за окном, маня к себе, в то же время отторгает человека, не поддается пониманию. Мир природы, от которого отгородилась Елена, сосредоточившись на личном счастье, отторгает от себя героиню: «А если этого нельзя?.. Если это не дается даром? Ведь это было небо.., а мы люди, бедные, грешные люди...»

Итак, если в начале романа окно – это открытые возможности, перспективы, то в заключительных сценах оно символизирует бесперспективность, обреченность (героиня поглощается пространством, открывающимся за границей окна).

Таким образом, используемый романтиками, Пушкиным образ окна, характеризующий романтические устремления героинь, их мечтательность, ожидание счастья, приобретает новое наполнение у Тургенева.

Примечания.

1. В.Щукин. Миф дворянского гнезда. Краков, 1997. С.204.

Л.А.Балькова.

К пушкинским истокам стихотворного Послания И.С.Тургенева Фарнгагену фон Энзе.

Многократно отмечено, что пушкинское начало - лирические образы, философская, историческая мысль, жанровые открытия - находило отклик и развитие в творчестве Тургенева. Любопытные результаты дает в этом смысле анализ стихотворного Послания Тургенева К.А.Фарнгагену фон Энзе (1847).

Стихотворение было написано в феврале-марте 1847 года, когда Тургенев, будучи в Берлине, встречался с Фарнгагеном фон Энзе (1785-1858), известным литератором и переводчиком, пропагандистом русской литературы на Западе. Тургенев познакомился с ним в 1838 или в 1839 году; в те дни Фарнгаген фон Энзе брал уроки русского языка у Я.Н.Неверова. Все трое они виделись тогда в гостеприимном доме Фроловых. Русский язык, русская история, русско-германские связи - вот темы бесед в этом кружке. Это было время полемики вокруг только что вышедшей книги Г.Кенига "Очерки русской литературы"¹⁾. Книга была написана под свежим впечатлением трагической гибели Пушкина. "Смерть Пушкина, - писал известный литератор Н.А.Мельгунов, - сильно настроила внимание немцев на литературу русскую"²⁾. Фарнгаген фон Энзе сразу же включился в полемику вокруг книги Кенига. Его мнение было весьма весомым - он был признанным специалистом по русской литературе. К тому же он был другом России: он сражался с Наполеоном под русскими знаменами - именно тогда он полюбил русский язык. На пути установления русско-немецких литературных связей ему приходилось преодолевать предрассудки немецкого общества, где преобладало шовинистическое третирирование славянского мира, а о России говорили как о вечно угрожающем западной цивилизации северном колоссе³⁾.

1839-й год - это и время появления знаменитой книги маркиза А. де Кюстина о России, проникнутой русофобскими настроениями. В этой обстановке мягкий и отзывчивый Фарнгаген фон Энзе решительно встал на сторону русских - Неверов и другие называли его "Pflegevater", т.е. "приемным отцом" русской литературы в Германии.

В пору первого знакомства Тургенева с Фарнгагеном фон Энзе последний намеревался перевести "Евгения Онегина" на немецкий язык. В 1838 году он написал рецензию на трехтомное посмертное собрание сочинений Пушкина, причем эта статья явилась лучшим образцом пропаганды русской литературы на Западе⁴⁾. Она внесла

принципиально новые моменты в понимание творчества Пушкина: она давала столь верный по глубине образ русского поэта, что оставалась непревзойденной в Германии вплоть до XX века. Таким образом, в восприятии Тургенева имя и деятельность Фарнгагена фон Энзе были прежде всего сопряжены с трудом последнего по сближению русской и немецкой литератур, а также с памятью о Пушкине.

Новая встреча двух литераторов произошла в дни, когда исполнилась десятилетняя годовщина со времени гибели поэта. Все эти обстоятельства не могли не сказаться в стихотворном Послании Тургенева немецкому другу. Из Дневника Фарнгагена фон Энзе известно, что во время встречи с Тургеневым 1847 года речь шла о России, об умственных течениях на родине Тургенева, основных литературных талантах⁵⁾. Наверняка речь шла и о политике, т.к. в этот период особенно осложнились отношения между Россией и Пруссией; причиной этого ухудшения была русская политика в Польше. Комментатор стихотворного послания Тургенева в Академическом издании сочинений писателя отмечает, что Николай I числил тогда Пруссию почти среди врагов России⁶⁾.

Таков исторический контекст стихотворения Тургенева, где заявлена тема судеб двух народов, которым предстоит не просто разлука, но некое противостояние:

Теперь, когда Россия наша*
Своим путем идет одна
 И, наконец, отчизна ваша
 К другим судьбам увлечена⁷⁾

Здесь противопоставление единичности и множественности (идет одна - другим судьбам), включающее Германию в судьбы других западных народов, позволяет Тургеневу создать значительный образ - расставания России и Запада, которое он именуется как "великий час разлуки", - событие, так сказать, метаисторического масштаба. Можно думать, что событие это имеет и некий таинственный смысл, ибо у России впереди - "путь", у немцев же, как и у других народов Запада - "судьбы".

Однако в Послании Тургенева это расставание мыслится все же как временное. В чем же состоит упование расстающихся друзей, русского и немца? У Тургенева является аргумент "русской речи", который играет столь большую роль в статье Фарнгагена фон Энзе о Пушкине: у него именно русский язык, превосходящий богатством

• Здесь и далее выделено мною - Л.Б.

слов - романские языки, богатством форм - германские языки, звучностью, силой и мелодичностью - все северные и южные языки, язык, в высшей степени обладающий способностью к развитию, сделал возможным явление гения Пушкина⁸⁾.

В Послании Тургенев подхватывает мысль немецкого собрата; он придает русскому языку еще и значение хранителя межнациональной общности:

Теперь в великий час разлуки
Да будут русской речи звуки
Для нас залогом, что года
Пройдут, и кончится вражда,
 Что, чуждый немцу с колыбели,
 Через один короткий век
 Сойдется с ним у той же цели
 Как с братом русский человек.

В конце этого отрывка возникает мотив общности исторических целей народов Европы. Здесь Тургенев развивает пушкинскую тему, особенно ярко прозвучавшую в идейно близком стихотворении "Мицкевич" (1834), где польский поэт

... говорил о временах грядущих,
 Когда народы, распри позабыв,
 В великую семью соединятся⁹⁾.

Видно, что для Тургенева, как и для Пушкина, дорога идея преодоленной вражды-распри народов и преображения их в "единую семью" (Пушкин), в братство (Тургенев).

У Тургенева, как и у Пушкина в стихотворении "Мицкевич", речь идет о разлуке, о некоем межнациональном недоразумении, причем и здесь и там явно или в подтексте звучит польская тема. Пушкин рисует образ польского поэта, который изменил своей дружбе с русскими, "ушел на Запад" и из "мирного поэта", проповедника братства народов "нам стал врагом", "поет ненависть", превратился в "злобного поэта". Тургенев в своем Послании по-своему развивает тему, заявленную Пушкиным. В 1847 году, когда "польский вопрос" снова встает со всей остротой, писатель, испытывавший тогда сочувственное отношение к польскому освободительному движению, определенно желает отмежеваться от действий российской государственной машины; он противопоставляет этой силе подлинный, т.е. миролюбивый и свободный дух русского народа.

В Послании возникает мотив народного искупления вины имперской:

Что, если нам теперь по праву
 Проклятия гремят кругом
Мы наш позор и нашу славу
Искушим славой и добром.

"Слава", употребленное дважды, используется здесь в качестве антонима: в первом случае - как дурная молва, которая бежит о России в зарубежном мире, во втором - как апофеоз доблестных деяний. В последней строке заключается прямая отсылка к "Стансам" Пушкина (1826):

В надежде славы и добра
 Гляжу вперед я без боязни¹⁰⁾.

У Тургенева желание славы и добра окрашивается новым оттенком - искупительной жертвы, имеющей высокое историческое значение. Мысль о величии российской истории явилась основополагающей и в статье Фарнгагена фон Энзе о Пушкине в 1838 году. Таким образом, налицо явная переключка Послания Тургенева с главными мнениями его немецкого друга, выраженными в статье десятилетней давности.

Но вернемся к пушкинским мотивам у Тургенева. Конфликт Россия - Запад по-разному разрешается у Пушкина (стих. "Мицкевич") и в тургеневском Послании. Пушкин призывает Создателя внести мир в озлобленную душу западного друга, у Тургенева примирение возможно в результате искупительных деяний России. Кроме того, противоречие снимается обращением к общим для русского и западного сознания понятием "света" и "тьмы". Парадигма свет-тьма весьма сильно звучит у Пушкина, наиболее ярко - в его "Вакхической песне", где "свет" понимается именно как вечный, божественный, духовный свет:

Ты, солнце святое, гори!
 Как эта лампада бледнеет
 Пред ясным восходом зари,
 Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума
Да здравствует солнце, да скроется тьма!¹¹⁾

В приближенной к пушкинской знаковой системе располагается заключительный фрагмент Послания Тургенева:

Всему, чем ваша грудь согрета -
 Всему сочувствуем и мы.
 И мы желаем мира, света
 Не разрушенья и не тьмы.

Причем у Тургенева понятие "свет" сопряжено с миром, как "тьма" включает в себя разрушение. В этом фрагменте есть и намек на недоразумение, "ложный суд" над Россией - тема, настойчиво звучавшая у Фарнгагена фон Энзе, который писал о русском народе: "Он не раб и, напротив, сохранил под тяжким гнетом глубокое чувство свободы, святое, упорное терпение и редкостное мужество".¹²⁾

Так переплетаются в Послании Тургенева пушкинские мотивы с реминисценциями из самого Фарнгагена фон Энзе, приобретая при этом особое, тургеневское звучание. Мысль о мирном братстве и взаимопонимании России и Европы, о преодолении недоразумений и враждебности была дорога писателю и всю жизнь волновала его. В судьбе Тургенева было то, чего так жаждал и не дождался Пушкин: путешествия по Европе, беседы с западными мудрецами и поэтами. Ему суждено было стать "послом от русской литературы в Европе", ему удалось, говоря словами Мережковского, "дать всему русскому меру европейскую". Но все же, получив уникальный опыт знания Запада, в минуты сомнения он со вздохом повторял пушкинское: "Тут недоступная черта между нами есть..."¹³⁾

Примечания

1. Literarische Bilder aus Rusland, 1837.
2. Цит. по изданию: Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина).- М.:Изд-во Моск. Ун-та, 1965.-С.56.
3. Там же, с.67.
4. Werke von Alexander Pushkin. St.Peterburg, 1838, Bd. 1-3.
5. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. Т.1.- М.: "Наука", 1979.-с.540.
6. Там же.
7. Текст стихотворного Послания Тургенева Фарнгагену фон Энзе приводится по изданию: Тургенев И.С. Указ. соч. Т.1, с.322.
8. Тургенев И.С. Указ. соч. с.540.

9. Тексты стихотворений Пушкина приводятся по изданию: Пушкин А.С. Соч. в 3-х т. Т. 1. - М.: "Художественная литература", 1985. Здесь: Пушкин А.С. Указ. соч., т.1, с.529.
10. Там же, с.386.
11. Там же, с.352.
12. Кулешов В.И. Указ. соч.. с.68.
13. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. Т. XII₂ - Л.: "Наука", 1967. - С.102.

Л.М.Александрова.

Из воспоминаний современника А.С.Пушкина.

Интереснейшим экспонатом выставки, посвященной 200 летию со дня рождения А.С.Пушкина, в музее И.С.Тургенева является уникальный материал - неопубликованные воспоминания Христиана Христиановича Репмана (1843-1927), голландца по происхождению, человека замечательной судьбы, потомки которого в настоящее время живут в Орле. Автор воспоминаний, написанных в 1920х годах в городе Кинешма на немецком языке, был знаком и тесно общался в своей молодости с представителями московского окружения А.С.Пушкина, людьми, в чьей памяти были еще живы встречи с великим поэтом: Окуловыми, Нащекиными, П.А.Вяземским, И.Н.Гончаровым, детьми поэта - Александром и Марией. Семья Репманов была известна в Москве в прошлом веке, она упоминается в книге В.Гиляровского "Москва и москвичи", ее представители сделали большой вклад в культуру и просвещение нашего Отечества.

Вот что пишет сам автор в предисловии к своим воспоминаниям: "... Героев и действующих лиц романа Б.Маркевича "В середине века" <...> я видел, у многих бывал, а с Окуловыми моя семья в продолжении нескольких десятков лет была в постоянном общении... Прасковья Семеновна Окулова, бывшая фрейлина Екатерины II Великой, старушка 97 лет, к рассказам которой я чутко прислушивался 8 - 9-летним ребенком, была в какой-то мере моей родственницей. Ее младшая дочь Варвара Алексеевна была моей крестной матерью, а потому я иногда проживал у них в Москве зимою, обучаясь у нее французскому языку и вообще грамоте.

Но в свои рассказы я вношу и рассказы моего отца и матери, не менее интересные, как лиц других общественных слоев, пополняя картины давно прошедшего времени ..."

В течение нескольких десятилетий Репманы общались с Окуловыми. 15 лет они жили в их подмосковном имении Никульском, что в полутора верстах от Астафьева князей Вяземских, где часто бывал А.С.Пушкин.

"... Варвара Алексеевна любила ходить с нами туда и показывать достопримечательности дворца, построенного в стиле Растрелли, с колоннадою по обе стороны средней главной части здания и флигелями на концах. Центральное здание было двухэтажное, с вышкой над куполом. В нижнем этаже, в центре, большой круглый зал, а по сторонам апартаменты. Балконная дверь из зала вела на обширную веранду и в английский парк, между дворцом и прудом был летний сад с цветочными клумбами и декоративными расте-

ниями. Князь Вяземский в это время не жил по летам в этой подмосковной, а уезжал на юг в другую усадьбу... В комнате Пушкина все оставалось, как было в последний день его пребывания во дворце Вяземских. На столе открытая книга - французская, все это содержалось в полном порядке и чистоте старым камердинером князя..."

Матвей Алексеевич Окулов (1792-1853), брат Варвары Алексеевны, участник Отечественной войны, в 1824 году командир Арзамасского конноегерского полка, с 1830 года в течение двадцати лет директор училищ Московской губернии, камергер и статский советник, коллекционер картин, сановный, полный, всегда в мундире при орденах, - московский знакомый Пушкина. Он был женат на родной сестре близкого друга Пушкина, Павла Воиновича Нащокина, "Войныча", как с любовью называл его поэт - Анастасии Воиновне.

... В свои приезды в Москву в 1830-е годы Пушкин общался с Окуловыми и семьей в их доме на Волхонке, 18. О свадьбе сестры Окулова - "долгоносой певице" Елизаветы с "вдовцом Дьяковым", на которой поэт был, и о болезни другой его сестры Варвары Пушкин сообщает жене 4 мая 1836 года из Москвы: "Варвара сошла с ума от любви. Она была влюблена и надеялась выйти замуж. Надежда ее не сбылась. Она впала в задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры ее помutilа. Она убежала к Троице. Ее насилу поймали и увели. Мне очень жаль ее. Надеются, что у нее белая горячка, но вряд ли..."

Будучи студентом старших курсов Московского университета, когда лекции в нем надолго прекратились в связи со студенческими волнениями, Христиан Репман получил приглашение брата Наталии Николаевны - Ивана Николаевича Гончарова в качестве репетитора к его второму сыну Владимиру. "... У Гончаровых я пробыл до весны, до времени сдачи Владимиром экзамена в конце апреля после пасхи. Н.Н.Пушкина не жила в Москве, и я ее не видел, а детей ее от первого брака - дочь Марию и сына Александра - часто. Мария Александровна была в то время уже замужем за полковником Гартунгом и нередко приезжала с мужем к своему дяде Ивану Николаевичу в его имение Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии на реке Ламе. Она не была красива лицом, но очень статна. В ней резко выразился ее род. Очень темный, смуглый цвет лица, волосы как смоль черные, притом необыкновенной длины, на распущенные волосы она становилась пятками, она их заплетала в две косы и, как большие длинные ожерелья, двумя рядами окладывала свою шею..."

Заканчивая свои воспоминания, составляющие в переводе более 200 страниц, автор пишет: "Достигнув преклонных лет, я убе-

дился, что столетний период в жизни человека весьма незначителен, а в жизни нации, целого народа положительно ничтожен. Живя в двадцатом столетии целую четверть века, я имел недавно прямое, непосредственное общение с П.С.Окуловой, смотревшей уже взрослой девушкой (в качестве фрейлины) в умные и веселые глаза матушки Екатерины II В промежутке все девятнадцатое столетие... Память старого человека ярко и свежо восстанавливает картины давно, давно прошедшего, затуманивая происшествия ближайших лет. Христиан Репман, Кинешма, 1924 год, апрель, 18 дня".

Л.М.Маричева.

Несколько замечаний к лекции Апухтина о Пушкине в Орле.

В ГАОО хранится газета "Орловские губернские ведомости" за 18 апреля 1865 года. В ней дана статья неизвестного автора под заглавием "Две лекции г.Апухтина "О жизни и соч. А.С.Пушкина".

Эта статья в свое время привлекла внимание Леонида Николаевича Афонина, и он откомментировал ее уже в своей статье "Лекции Апухтина о Пушкине в Орле", появившейся к пушкинским дням в газете "Орловский комсомолец" 29 мая 1974 года.

Дальнейшие исследования позволили сделать несколько добавлений и пояснений к неизвестной лекции Апухтина в Орле на основе двух его неопубликованных писем. Одно из них к П.И.Чайковскому, хранящееся в Доме-музее П.И.Чайковского в Клину¹⁾, другое - князю П.П. Мещерскому (место хранения которого в ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Петербурге)²⁾. Кроме того привлекается статья Д.И.Писарева "Реалисты" и извлечения из высказываний Пушкина.

Итак, обратимся к рецензии на лекции Апухтина о Пушкине неизвестного автора "Губернских ведомостей". В начале статьи он отмечает приятное ожидание лекций как интеллектуального развлечения местного образованного общества:

"Среди однообразия провинциальной жизни, преферансов», ералашей, орловское образованное общество было приятно привлечено два вечера 15 и 17 марта на публичные лекции г.Апухтина "О жизни и соч. А.С.Пушкина", - читаем мы в статье. В конце ее он выражает полное разочарование от услышанного.

"Но все сказанное г.Апухтиным было так незначительно, что признаемся мы почти вовсе не заметили содержания". Автор статьи жалеет, «что он, т.е. Апухтин, не устремил своего взгляда глубже, учнее и не подкрепил той обработкою лекций, с которою обыкновенно выступают на публичную арену». Чего же рецензент не услышал в лекции о Пушкине, о чем хотел бы знать? Он пишет: «Разъясните нам приемы его творчества, механизм его мысли, фактуру его стихов, отделку их, а об этом можно было из имеющихся источников сказать довольно много».

Положительного он отметил только одно - изложение материала. "Изложение г. Апухтина вообще отличается легкостью, приятностью, последовательностью, начитанностью об избранном им предмете. ... Его лекции скорее походят на беседу в кружке добрых приятелей"...

Из статьи напрашивается вывод, что лекции Апухтина о Пуш-

кине поверхностны и плохо подготовлены. Вместо строгого классического исследования общество получило беседу о Пушкине и его сочинениях. И здесь возникают вопросы:

1. Что заставило Апухтина выйти с лекцией о Пушкине, тем более, что, по словам его биографа М. И. Чайковского, он вообще боялся публичных выступлений?

2. Была ли лекция неудачной импровизацией или хорошо подготовленным и продуманным экспромтом?

3. И так ли уж она была пуста, как показалась автору статьи?

Итак, что же заставило Апухтина выйти с лекциями на публику? Частично ответ есть в вышеупомянутой статье неизвестного автора. "Но г. Апухтин в самом начале своего изложения объяснил нам повод к его предприятию. Он был возбужден к тому недавно напечатанным в ж. "Русское слово" нисколько не приносящею чести литературе безобразною, уродливою статьей г. Писарева, имеющего целью доказать ложность нашего искусства и ниспровергнуть в прах все священные для нас авторитеты: Жуковского, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др."

При этом не говорилось, какую статью Писарева имел в виду Апухтин. Вычислить ее оказалось несложно. До момента чтения лекций, т.е. до середины марта 1865, года вышла единственная статья Писарева "Реалисты", которая могла стать поводом к публичному выступлению Апухтина. Под названием "Неразрешенный вопрос" она появилась в 9-11 книгах ж. "Русское слово" за 1864г. Напомню, что Писарев в ней писал: "Если вы предложите мне вопрос: есть ли у нас в России замечательные поэты? - то я вам отвечу, что у нас их нет, никогда не было, никогда не могло быть - и, по всей вероятности, очень долго еще не будет. У нас были или зародыши поэтов или пародии на поэтов. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоедова; а к числу пародий я отношу Пушкина и Жуковского. Их прославленные имена скоро забудутся"³). Конкретно же о Пушкине Писарев говорит в статье следующее: "Пушкина мы еще не решаемся забыть. Говорят, например, что Пушкин - великий поэт, и все этому верят. А на поверку выходит, что Пушкин просто великий стилист и больше ничего. Говорят далее, что Пушкин основал нашу новейшую литературу, и этому тоже верят. Это тоже вздор. Новейшую литературу основал не Пушкин, а Гоголь. Пушкину мы обязаны только нашими милыми лириками"⁴). И под конец критик обещает читателям ряд статей под названием "Пушкин и Белинский". Как справедливо предполагал Писарев, его речи о Пушкине показались многим, в том числе и Апухтину, возмутительно-дерзкими. Для Апухтина имя Пушкина было священно. По словам его биографа М.И. Чайковского, «Пушкин -

поэт, драматург, романист и человек были в одинаковой степени возвышенным идеалом всей его жизни»⁵⁾.

Апухтину необходимо было высказаться, и он выходит на публичную трибуну. Защищая Пушкина, он защищал и себя как поэта. Но была еще и другая причина, подтолкнувшая его к чтению этих лекций. О ней мы узнаем из неопубликованного письма Апухтина к его другу П.И.Чайковскому, посланному из Орла в начале 1865 года. В нем он пишет: "Собственно говоря, автор этих лекций ты, потому что ты своими письмами возбудил меня, вздразнил мое воображение".

Дело в том, что с 1863 по 1865 год Апухтин служил чиновником особых поручений при орловском губернаторе. Это был для него период уныния и тоски, потери веры в собственный талант. П.И.Чайковский, стремясь вывести друга из духовного кризиса, побуждал его к труду, вдохновляя на эти лекции. Как известно, Чайковский любил Пушкина не меньше, чем Апухтин, о чем свидетельствуют его оперы: "Евгений Онегин", "Пиковая дама", "Мазепа". И как никто он понимал, что Апухтин в защиту их общего кумира может сказать многое. Из того же письма мы узнаем, что лекции Апухтина были тщательно подготовлены, и в этом благородном труде поэт получил наслаждение.

"Работаю с утра до ночи и в первый раз в жизни в труде нахожу наслаждение", - сообщал он Чайковскому.

Это же самое письмо объясняет нам причину той формы, которую он избрал для изложения лекций, а именно - "беседу в кружке добрых приятелей".

Апухтин не верил в высокую образованность своей аудитории и выражал в письме сомнения в успехе лекций: "В Орле едва ли найдется двадцать человек, которые поймут слова мной произносимые"

Основания не верить в провинциальный интеллект у Апухтина имелись, так как за 2 года жизни в Орле он хорошо изучил умственные возможности местного общества. Еще в 1863 году кн. П.П.Мещерскому он дал довольно злую характеристику орловскому обывателю:

"Моя судьба определилась застряв на всю жизнь в этом поганом городе, проникнуться всеми его интересами», потом понемногу сделаться таким же как все обывателем, т.е. приходить в отчаяние, когда какой-нибудь г. Z получит крестишко или г. У повезет в карты, пакостить всеми средствами и г. Z и г. У, а главное, с утра до ночи сплетничать и на того и на другого». И еще из этого же письма: «Обыватели орловские веселятся на славу. Больше всего способствует этому чета Тютчевых (местная элита). Они беспрестанно дают

обеда, но все у них производится с такими претензиями. что царствует неимоверная скука".

Если учесть, что именно эти обыватели стали его аудиторией, то свою задачу Апухтин видел не в сложном разборе стихов, а в том, чтобы представить Пушкина как явление жизни и литературы просто, ясно, человечески доступно, что ему и удалось.

А теперь само письмо Апухтина к П.И.Чайковскому. Орел. 1865г.

"Не сердись на меня, душа, за долговременное молчание, прилагаемая программа объяснит тебе все. Я предался этому делу всеми моими помыслами, работаю с утра до ночи и в первый раз в жизни, в труде нахожу наслаждение. Это будет нечто profession de foi. Я буду смотреть на разные сидящие передо мной лица, а спорить заочно с тобой. Собственно говоря, автор этих лекций ты, потому что ты своими письмами возбудил меня, вздразнил мое воображение. Конечно, я не рассчитываю на большой успех в Орле, едва ли найдется 10 человек, которые будут понимать меня вполне, и 20 которые поймут слова мной произносимые. Остальные будут разные miss Чеботаревы, которые пойдут только потому, что m-m Апраксина развозит им билеты (Апраксина - супруга орловского губернатора, устроительница лекций - Л.М.). Но во всяком случае я рад, что имею случай высказаться. Прощай, друг мой, пожелай мне мысленно побольше храбрости. Твой Апухтин.

P. S. Покажи эту программу Стрижам (Модесту и Анатолию - братьям Чайковского - Л.М.)".

К сожалению, текст лекции Апухтина о Пушкине неизвестен, но в полемической форме автор статьи раскрывает конкретное их содержание. Апухтин дал обзор допушкинской поэтической эпохи 18 века. «Начиная от Кантемира, переходя через Ломоносова, Тредьяковского, он остановился на Державине», - пишет рецензент.

Обзор допушкинской эпохи автора статьи не устроил, так как он задает вопрос: «Уже ли г. Апухтин полагает, что в минувшем столетии не было в России значительных талантов?»

По мнению Л.Н.Афониной, «далеко не все характеристики писателей 18 века, которые услышали орловцы, совпадали с общепринятыми», в том числе и с мнением рецензента. Мы же добавим от себя, что скорее всего они совпадали с пушкинскими, который по поводу ряда поэтов 18 века высказался вполне определенно: "Вообще изучение Тредьяковского приносит более плоды, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно

не стоят Тредьяковского».

О Ломоносове мы читаем: «Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности - вот следы, оставленные Ломоносовым».

Ну, а по поводу Г. Р. Державина, которому Апухтин уделил более всего своего критического внимания, Пушкин писал Дельвигу в июне 1825 года: «По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка, вот почему он и ниже Ломоносова. Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии - ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдержать и строфы. ... Ей-Богу, его гений думал по-татарски - а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем о нем"⁶».

В апухтинской лекции речь шла и о том, что такое поэзия и что такое искусство. Автор "Губернских ведомостей" считает, что Апухтин смешивает эти два понятия в одно, так как, по его мнению, "Поэзия есть дар, а искусство есть приобретение". Вот почему, считает он, Пушкину при природной одаренности легко было стать необычным явлением, если учесть, что искусство стихосложения уже было доведено до совершенства. Для Апухтина поэзия - это то, что художественно, если это не художественно, то это уже не поэзия, то есть поэзия и искусство неразделимы. Пушкин был воплощением неразделимости поэзии и искусства.

И последнее, что было в лекции Апухтина. Это разбор ряда произведений Пушкина. Таких как "Евгений Онегин", "Полтава", "Медный всадник", "Борис Годунов". Из "Бориса Годунова" им была прочитана образцовая сцена Пимена в келье Чудова монастыря. Неизвестный автор нашел, что при прекрасном таланте Апухтина к чтению это место из "Бориса Годунова" ему не удалось. "Вместо сурового, аскетичного момента, которым преисполнен летописец Пимен, нам скорее казалось, что мы слышим чтение какой-нибудь элегии". На это можно заметить, что Апухтин трактовал образ Пимена, исходя из Пушкина, а не автора статьи. И из письма Пушкина к издателю "Московского вестника" мы узнаем мнение Пушкина о характере Пимена: "Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях; простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое усердие..." И там же: "Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца, что трогательное добродушие

древних летописцев украсит простоту моих стихов"⁷⁾. Как мы видим, никакого аскетизма в Пимене Пушкин не подразумевал.

И в заключение остается добавить, что глубокое знание Пушкина, духовное родство с ним позволяли Апухтину говорить о нем, как говорят не о забытых, как думал Писарев, а о живых. Не случайно М.И. Чайковский о любви Апухтина к Пушкину писал: "Он любил его, как любят живых людей"⁸⁾. Отсюда и форма, и содержание лекции.

Примечания

1. "Дом-музей П.И.Чайковского" в Клину. Письма А.Н.Апухтина к П.И.Чайковскому. 1875-1884гг. № 6173.
2. ГПБ С-Щ, рук. Отд. Ф.1000, оп.2. № 51.
3. Писарев Д.И., ст. "Реалисты", т.3. М., 1956, с.108-109.
4. Там же.
5. Апухтин А.Н. Соч. Т.1, С-П., 1895. С.XVII.
6. А.С.Пушкин. Собр. соч. т.9. "Худ. лит.". М., 1962. С.161.
7. А.С.Пушкин. Соч. ОГИЗ, "Худ. лит." 1946. С.723.
8. Апухтин А.Н. Соч. т.1. С-П., 1895.с.XVII.

II

Вокруг Тургеневской энциклопедии

Л.А.Балыкова, Л.В.Дмитрюхина.

Тургеневские чтения в Орле.

Состоявшиеся 22 ноября 1999 года в Орле IX Тургеневские чтения, как всегда, стали частью традиционной Тургеневской осени. Череда праздничных мероприятий: вечеров, заседаний круглого стола, презентаций новых книг, театральных премьер - завершилась итоговой встречей тургеноведов, собравшихся на этот раз вокруг «Тургеневской энциклопедии». Ведущийся на протяжении нескольких лет под эгидой Института русской литературы (Пушкинский Дом) труд над этим изданием привлек широкий круг исследователей биографии и творчества великого писателя, в том числе ученых из Орла, что вполне естественно, ибо именно здесь находится немало материалов, без учета которых многие исследования просто невозможны. Кроме того, орловские тургеноведы работают над серией статей обобщающего характера, посвященных вопросам мировоззрения писателя и судьбы его наследия в наши дни.

Этим проблемам на прошедших чтениях были посвящены доклады доктора филологических наук Г.Б.Курляндской, преподавателей орловских ВУЗов, кандидатов филологических наук Е.М.Коньшева и Н.А.Куделько.

Доклад Г.Б.Курляндской явился фрагментом большой монографической статьи «Религиозные искания Тургенева». Тема эта стала предметом исследования впервые. Докладчик ставит целью проследить эволюцию мировоззрения Тургенева, путь драматических духовных исканий писателя - от стихийного материализма через тоску и поиски Бога Живого - к утверждению божественной гармонии, лежащей в основании мира, к признанию того, что Прекрасное связано с глубинными слоями бытия. В конце концов, делает вывод докладчик, Тургенев, показавший идеальные состояния человека, его нравственные возвышения над бытом и собственным эгоизмом, подошел к нравственному пониманию Бога.

Не менее важны религиозные искания Тургенева для понимания его творчества. «Христианские мотивы в романах Тургенева» - тема доклада Е.М.Коньшева, который обратил внимание на христианскую подоплеку многих идей и образов тургеновского романного цикла. Они живут наряду с просветительской идеологией, захватившей образованное общество в России XIX века. Христианская нравственность лежит в основании антигедонизма в романах Тургенева; она противостоит эвдемонизму просветительства - другой линии в романах Тургенева, тем порывам к счастью, которые обуревают его героев. По мысли докладчика, Тургенев-романист пытается синтезировать просветительский и христианский идеалы. Но возможен ли такой синтез?

Главой монографии явился и доклад Н.А.Куделько «Тургеневские мотивы в современной русской прозе (Б.Екимов)». Исследова-

тельница показывает устойчивость тургеневской традиции в русской литературе на материале творчества современного автора, которого следует отнести к так называемым писателям-деревенщикам. Речь идет о внимании Б.Екимова к таким темам тургеневских «Записок охотника», как темы народа-праведника, природы-матери, родного дома. На материалах рассказов Екимова «Розовый куст», «Пономарь», «Похороны», «Диделиха», «Возвращение» и др. Н.А.Куделько показывает, как своеобразно оживает тургеневский взгляд на народную жизнь в прозе Екимова.

Своего рода сенсацией на Чтениях стал доклад гостя из Москвы А.Н.Давыдова - ведущего сотрудника Московского объединения городских архивов, представившего тургеневские страницы в раритетном издании «Париж - Москва, столетие сотрудничества (1819-1925)», в составлении которого докладчик принял непосредственное участие. В архиве Парижа были выявлены уникальные материалы: это Каталог живописных полотен из парижской коллекции, которую писатель вынужден был продать в 1878 году, а также Опись имущества из дома писателя в Париже по улице Дуз, 50, в котором прошел последний период его жизни; впервые биографы Тургенева получили точное представление об обстановке, окружавшей его. Между прочим, в Описи указаны дубовый стол и кресло, стоявшие в рабочем кабинете писателя, и мантия и шапочка Тургенева - Почетного доктора Оксфордского университета, хранившиеся в сундуке... Теперь эти реликвии находятся в Орле.

С.Д.Симеонова, старший научный сотрудник Орловского литературного музея И.С.Тургенева, обратила внимание слушателей на биографию А.Ф.Видерта - первого переводчика «Записок охотника» на немецкий язык, снискавшего славу истинного «рыцаря литературного перевода». На малодоступных зарубежных материалах докладчик восстанавливает загадочную историю отношений переводчика с издателем Шиндлером в связи с переводом 2-й части «Записок охотника», выполненных Видертом и Больцем. Исследовательница приходит к выводу, что Тургенев был поставлен в сложное положение в необходимости выбора между двумя переводчиками из-за скупости издателя, не пожелавшего заключить контракт с Видертом, сделавшим безупречный перевод. Материалы архивов семьи Видертов, любезно предоставленные здравствующим правнуком переводчика В.Л.Видертом, раскрывают неизвестные эпизоды взаимоотношений его предков с Тургеневым, который, по семейным преданиям, был крестным отцом Константина - младшего сына А.Ф.Видерта.

Другим гостем музея на Чтениях стала старший научный сотрудник музея-заповедника Л.Н.Толстого «Ясная Поляна» Т.Н.Архангельская, которая поставила целью воссоздать картину взаимоотношений И.С.Тургенева и Л.Н.Толстого, проанализировав «Яснополянские записки» Д.П.Маковицкого. Противоречивость оценок Толстого, когда речь идет о Тургеневе, известна. Записки

Маковицкого дополняют многими подробностями историю отношений двух писателей. Толстой вспоминал, например, о совместных прогулках с Тургеневым в Дижоне, он помнил о восхищении, которое высказывал Иван Сергеевич по поводу Сикстинской мадонны Рафаэля (как известно, позднее этот шедевр полюбился и Толстому), о влиянии Тургенева на круг чтения Толстого на первых порах их общения. Самая противоречивость оценок Толстого свидетельствует о том, что Тургенев до конца оставался для него загадкой. Но в целом высказывания Льва Николаевича свидетельствуют о его глубиной и искренней любви к Тургеневу, о памяти об умершем друге.

Заслуженный работник культуры России Р.М.Алексина, многие годы отдавшая музею И.С.Тургенева, посвятила свой доклад И.В.Павлову, врачу, литератору, орловскому приятелю и корреспонденту Тургенева, его соседу по имению. Как известно, писатель отобразил некоторые его черты в образе Базарова в знаменитом романе «Отцы и дети». В свою очередь перу Павлова принадлежат Записки земского врача («Клекатуха»), посвященные Тургеневу. В основу доклада положены материалы Государственного архива Орловской области, касающиеся родового имения Павлова - Шишкине, которое, по некоторым сведениям, посещал Тургенев.

В заключение Чтений старший научный сотрудник музея Л.В.Иванова попросила слово для краткого сообщения, которое не могло не заинтересовать орловцев, помнящих легенду об орловском происхождении Лизы Калитиной из романа «Дворянское гнездо». Мало-помалу, благодаря разысканиям орловских краеведов, легенда обретает черты подлинной истории: действительно, Тургенев бывал в доме на берегу реки Орлик, там, «где нежная грезил Лиза». Забытые воспоминания орловских старожилов, архивные находки позволили Л.В.Ивановой уточнить, что в знаменитом «Доме Калягиных» на Дворянском гнезде в начале 1850-х жила Анна Корниловна Соколова; весьма вероятно, что это ее имеет в виду краевед Клейнборт, писавший об орловской Соколовой, принявшей постриг в Орловском Введенском монастыре, где она взяла имя - матери Антонии - она лично знала Тургенева и, уже будучи монахиней, бережно хранила виды Спасского, портрет с автографом писателя. Не ее ли черты вылились в незабвенный образ Лизы? Так расширяется и без того необозримый круг лиц, когда-то встреченных писателем и остановивших его внимание, обогащая наше представление о его творческой лаборатории, все новыми оттенками расцветивая уникальное явление нашей культуры - мир Тургенева.

Проблемы свободы в этике И.С.Тургенева и Ф.М.Достоевского.

Философская мысль Тургенева, как и Достоевского, была сконцентрирована на уяснении сущности и границ человеческой свободы. Свободу Тургенев тоже понимал в гуманистическом духе - как возможность беспрепятственного проявления доброй воли. Но в определении сферы действия и условий свободы он существенно расходился с Достоевским и русской философской мыслью в целом. Достоевский не принял умозрительную моральную философию Канта и в осмыслении законов свободы во многом ориентировался на христианскую и натуралистическую этику. Подлинным основанием доброй воли в его представлении, может быть не разум, а нравственное чувство и совершенная любовь. Они помогают человеку овладеть своей физической природой и становятся главной предпосылкой независимости от зла. Опорой духовной свободы, согласно Достоевскому, являются также православная вера и выработанные ею моральные принципы и идеалы.

Этические же взгляды Тургенева во многом сложились под влиянием просветительской традиции, хотя и далеко не во всем совпадали с ней. Наиболее заметное влияние на него оказала этическая система Канта. Он, как и немецкий мыслитель, сознавал дуализм человеческой природы и противопоставлял разумную и чувственную жизнь. В природно-чувственном мире господствует закон необходимости и нет места для сознательного выбора. Относительной самостоятельностью обладает лишь сфера мысли и побуждаемая ею моральная воля. Поэтому Тургенев вслед за Кантом не принял натуралистическую этику и моральные законы относил к компетенции рассудка. Основанием нравственного поведения он признавал рационалистическую идею долга. К пониманию смысла жизни как самоотречения во имя исполнения высшей цели он неизменно приводит и своих положительных персонажей. Героиня рассказа "Яков Пасынков" Софья Николаевна уверена, что нравственным ориентиром человеческой жизни может быть лишь идея долга. "Наша жизнь, - заявляет она, - не от нас зависит; но у нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга" (2, т.6, с.234).

Высшая форма свободы для Тургенева - свобода исполнения долга. А главным моральным критерием, по его мнению, является честность - верность своим убеждениям. Достоевский же, полемизируя с рационалистической этикой, настаивал на том, что "недостаточно определить нравственность верностью своим убеждениям.

Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?" (1, т.27, с.56). Нравственным ориентиром для него были не этические максимы, а чувство красоты, личность Христа и его деяния. Для Тургенева же "...нравственное чувство и чувство прекрасного - это две шишки, которые ничего не имеют общего между собой. Счастлив тот, кто обладает ими обеими" (2, П., т,1, с.461).

Тургенев, в отличие от Канта, не искал выхода из противоречия сознательной и бессознательной жизни в рационалистической утопии и пришел к убеждению в принципиальной неразрешимости этой проблемы. Его герои-мыслители не в состоянии исполнить свой гражданский долг ввиду безучастности природы к сознательным устремлениям и целям.

Кант так и не смог постичь тайну свободной воли, диалектику свободы и необходимости на уровне самого поступка. Он дал лишь мнимое решение этой проблемы в метафизическом плане, обособив природно-чувственную и умозрительную жизнь и произвольно провозгласив последнюю миром свободы. Правда, он допускал возможность моральной рефлексии в процессе выбора мотива и совершения поступка, но, по существу, игнорировал всю сложность и многоаспектность морального действия. Процесс выбора он объявил уделом разума и недооценил психологический аспект этого акта. Автор "Критики практического разума" уклонился от ответа на едва ли не важнейший в его этической системе вопрос: как моральный закон предопределяет свободный поступок человека?

Тургенев подошел к пониманию проблем свободы и необходимости с более реалистических позиций, признав весьма относительной самостоятельность разума. В его сочинениях неизменно учитывается зависимость мысли героев от внешних и внутренних условий. Так, идеология Базарова, в том числе и его позитивистская этика, основанная на принципе пользы, мотивирована глубоким национальным кризисом, социальным положением героя, его натурой и нигилистическим состоянием. Осознание неразрешимости противоречия свободы и необходимости стало у Тургенева источником трагического толкования человеческой судьбы. Разумная воля не в состоянии реализовать себя в действии ввиду разобщенности со стихийно-чувственной сферой, являющейся источником практической воли. Русский писатель сместил акцент к проблеме действия, успех которого зависит от соотношения мысли и характера. Безвольную натуру людей гамлетовского склада он считал непреодолимым препятствием на пути к осуществлению разумных целей. Большинство сюжетов в его романах посвящены исследованию соотношения рассудка и стихийной жизни. Их обособленность, по мысли писателя, - исходная причина трагизма человеческого существования.

Тургеневское представление о долге тоже не равнозначно его толкованию у Канта. Кенигсбергский мыслитель рассматривает категорию долга в метафизическом плане, ограничивая ее этическим смыслом, предписанием руководствоваться категорическим императивом. Тургенев понимал долг в более широком значении, наполняя конкретным национальным и социально-историческим содержанием и перенося аспект на практическое действие. Высший долг он видит в благоустройстве народной жизни, борьбе с крепостным правом и его пережитками.

Исполнение долга, по мысли Канта, дарует человеку моральное удовлетворение, намного превышающее чувственное наслаждение. Тургеневские герои, исполнив нравственный долг, не испытывают духовного благополучия. Признавая смыслом человеческого существования исполнение общественного долга, Тургенев в то же время считает его несовместимым со счастьем (ситуация Лизы Калитиной и Лаврецкого). Характерный удел его героев - смирение перед судьбой и приобщение к мировому страданию (в духе Шопенгауэра).

Примечания

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. - Л.: Наука, 1972-1984.
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ти т. - М.-Л.: Наука, 1960-1968.

К вопросу о типологии образа нигилиста в русской литературе.

С конца 1980-х годов в отечественном литературоведении резко изменилось отношение к антинигилистическим произведениям. Романы "Бесы" Ф.М.Достоевского и "Некуда", "На ножах" Н.М.Лескова больше не считаются творческими неудачами великих мастеров русской литературы, а с творчества Вс.Крестовского, В.П.Клюшников, Б.М.Маркевича и др. снят ярлык "низкопробной беллетристики". Коренное переосмысление антинигилистических произведений и их роли в развитии русской литературы влечет за собой пристальное внимание к образу нигилиста в произведениях различных идейно-философских направлений. Исследователи стремятся выявить суть полемики между антинигилистами и революционными демократами; переосмыслению подвергается отношение либералов-западников к нигилизму как к явлению русской общественной жизни 1860-х годов.

Тургенев, стоявший на либерально-просветительских позициях, первым вывел в русской литературе в романе "Отцы и дети" образ нигилиста; большинство исследователей советской эпохи безоговорочно признавали тургеневского Базарова представителем революционно-демократической молодежи 60-х годов 19 века. Укоренилось мнение, что автор за исключением взгляда на любовь и на искусство разделяет нигилистические взгляды героя. Эта традиция берет свое начало в статьях Д.Писарева "Базаров" и "Реалисты". В подтверждение этой точки зрения приводились слова самого писателя: "... многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений Базарова на искусство, - я разделяю почти все его убеждения". (1, с.275).

В последние годы в литературоведении обозначилась тенденция, согласно которой роман "Отцы и дети" стали относить к произведениям антинигилистического направления, поскольку автор якобы последовательно развенчивает своего героя, обрекая на преждевременную гибель (Н.Старыгина). Эта интерпретация образа Базарова также имеет свои корни в русской литературной критике 19 века (Н.Страхов). Все это дает возможность утверждать, что отношение Тургенева к нигилизму как к явлению в русской общественной жизни и образ Евгения Базарова как "первого нигилиста" в русской художественной литературе продолжают вызывать дискуссии, требуют непредвзятых размышлений.

Писатели-антинигилисты, при всем различии уровня художественного мастерства и политических убеждений, не принимали ма-

териалистический подход к человеческой личности идеологов нигилизма (Н.Чернышевский, И.Добролюбов, Д.Писарев). Так, по мнению Ф.М.Достоевского, отрицание Бога неминуемо ведет к осознанию абсолютного примата собственной личности над другими людьми, к бунту и нравственной вседозволенности. "Разумный эгоизм", выдвигаемый Чернышевским в противовес явному аморализму, по сути своей ничем не отличается от него, поскольку основывается не на нравственных запретах, а на страхе наказания.

Неприятие внутреннего аморализма, основанного на атеистическом своеволии, порождает в антинигилистических произведениях четыре основных типа нигилистов:

1. Политические честолюбцы, грезящие об абсолютной власти над "человеческим муравейником".
2. Люди, нашедшие в нигилизме оправдание своей нравственной нечистоплотности.
3. "Фанатики от нигилизма", утратив веру в Бога, они ищут в нигилизме высшей истины, которой готовы беззаветно служить. Материалистическая философия становится для них новым "священным писанием", а апологеты нигилизма превращаются в апостолов, несущих свет абсолютной истины.
4. Люди слабые, увлекшиеся нигилизмом как новой идеей, попутчики "новых людей", те, кто попал под обаяние сильной личности. В антинигилистических произведениях они представляют собой послушный материал в руках коварных политических честолюбцев.

Интересно сопоставить Базарова с этими разновидностями носителей материалистических идей в антинигилистических произведениях. Базаров не лишен честолюбия, но реализует свои стремления исключительно в естественно-научных исследованиях. Демоническое одушевление Петруши Верховенского, стремящегося стать абсолютным хозяином 9/10 человечества, чуждо герою тургеневского романа. Базаров гордится своим напряженным трудом, которым занят постоянно, даже в гостях у Кирсановых он продолжает работать. Обладая независимым умом, Евгений не может слепо преклоняться ни перед какими авторитетами, в том числе и перед вождями нигилизма.

На первый взгляд, Базаров может показаться нравственно распущенным человеком, холодным циником, видящим в материализме удобную философскую основу, которая оправдывает безнравственную "борьбу за существование", а "личное благо" ставит основой общечеловеческого благополучия. Если следовать только за формой, героя действительно можно упрекнуть в цинизме. Так, о

замужестве Одинцовой он рассуждает: "... выйти за богатого старика - дело ничуть не странное, а, напротив, благоразумное"; историю любви Павла Петровича к княгине Р., резюмирует: "... человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и, когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, этакой человек - не мужчина, не самец". (1, с.59). Но поведение Базарова расходится с его словесными декларациями. Например, в одежде Евгений подчеркнута неопрятен и небрежен. Но, с точки зрения "аристократишек" такая малоприятная черта внешности, для Базарова - лишь способ эпатировать людей, перед которыми он испытывает глубоко скрываемое чувство социальной неполноценности. Эта старательно скрываемая неуверенность в себе заставляет сына бедного полкового лекаря при первой встрече с блестящим Павлом Петровичем отрекомендоваться подчеркнuto попростонародному: "Евгений Васильев". На словах издеваясь над дворянской честью и объявляя дуэли гилью и глупым предрассудком, Базаров не в состоянии отказаться от дуэли с Павлом Петровичем. Он испытывает жгучий стыд от одной возможности быть оскорбленным: "А отказать было невозможно; ведь он меня, чего доброго ударил бы, и тогда ... (Базаров побледнел при одной этой мысли; вся его гордость так и поднялась на дыбы). Тогда пришлось бы задушить его, как котенка". (1, с.174). Теоретик нравственного негилизма (термин Н.С.Лескова) Горданов в аналогичной ситуации ведет себя прямо противоположным образом: он вынужден пойти на дуэль с Подозеровым, но превращает поединок в убийство, так как не желает "подставлять свой лоб про чужую пулю". Политический честолюбец Петруша Верховенский готов сносить любые оскорбления, если они помогают ему осуществить "главную цель". Лощеный Ропшин, готовый пресмыкаться ради личного благополучия, циничная Дина Зарницина, продающая себя за блестящее положение в свете, - нигилисты в гораздо большей степени, чем Базаров. Евгений называет сентиментальность лирикой, больше всего боится упрека в чувствительности, с покровительственной иронией отзывается о горячо преданных ему стариках-родителях, прячет любовь к ним как непростительную слабость. "Ничего! До свадьбы заживет," - небрежно бросает он на замечание Аркадия о тяжести для родителей преждевременного отъезда сына. Однако, Тургенев тут же комментирует эти слова: "... целый день прошел, прежде чем он решился уведомить Василия Ивановича о своем намерении" (1, с.158). Герой романа проповедует полную свободу в отношениях между мужчиной и женщиной, но краска стыда заливает его лицо при одном воспоминании о попытке затеять интрижку с Феничкой. Нигилизм оказывается у героя "Отцов и детей" на поверку внешней оболочкой, за

которой скрывается ранимый и способный глубоко чувствовать человек.

Тургенев разделял идею отрицания самодержавно-крепостнического строя в России. Потому, в отличие от писателей-антинигилистов, он показал в "Отцах и детях" сильную сторону нигилистического направления. Этим продиктован приоритет базаровского отрицания над либерально-дворянской философией Павла Петровича Кирсанова. Е.М.Ефимова отмечает: "Поступательное движение вперед может осуществляться, по Тургеневу, только через отрицание, вызванное самим этим движением. В ходе развития отрицание отрицается новым, противоположным явлением и наступает синтез на более высокой основе, включающей в себя в снятом виде предшествующее отрицание. Таким образом, само отрицание теряет свою только разрушительную силу и превращается в положительное начало". (2, с.295). Философские взгляды Тургенева определяют его позицию по отношению к нигилизму как прогрессивному явлению в русском обществе. Тургенев очевидно подчеркивал богатство человеческой природы Базарова, но при этом развенчивал слабость его мировоззренческой позиции. В какой-то степени как предшественник Достоевского он обратился к изображению духовно-психологической драмы Базарова-нигилиста. "Жизнь шире базаровского отрицания, хочет сказать Тургенев, она включает и то, что неправомерно подвергать огню отрицания. Поэтому не все и "сгорят" в этом огне. Многие, что пытается отрицать Базаров прочно существует не только вокруг него, но и в нем самом" (2, с.296). Тургенев по меньшей мере индифферентно относится к неприятию Базаровым религии. Этим и объясняется его резкое отличие в изображении нигилиста от убеждений писателей антинигилистического направления, которые видели в христианской нравственности основу существования личности и человечества в целом.

Но либерал-постепеновец Тургенев не мог воспевать в своем герое революционера-бунтаря, как это сделал Чернышевский в образе Рахметова. В Базарове его привлекла не способность разрушать, а воля к созиданию. Такие люди, по мнению Тургенева, придя на смену теоретикам Рудиным, смогут, как он замечает в эпиграфе к роману "Новь", "... поднимать <...> новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом". Позиция Тургенева отводит особое место роману "Отцы и дети" в литературе о "новых людях". Автор показывает прежде всего не революционера-разрушителя, а образованного энергичного деятеля, время которого еще не пришло, но только такой тип людей способен привести Россию к прогрессу и процветанию.

Примечания

1. И.С.Тургенев. Отцы и дети. Академический проект, Спб. 2000.
2. О.М.Ефимова. К проблеме революции в романах "Отцы и дети" И.С.Тургенева и "Обрыв" И.А.Гончарова (образы Базарова и Волохова) // Уч. зап. Орловского гос. пед. Института. Кафедра лит-ры. Вып. 2. Орел, 1964.

С.Д.Симеонова.

"Русские" болгары (к вопросу о прототипах Инсарова).

Проблема прототипа всегда имеет относительный смысл, поскольку художественный образ - плод обобщения фактов - живет самостоятельной жизнью. Но от прототипа можно вести отсчет основной мысли автора.

По мнению болгарского ученого В.Велчева, роман "Накануне" - "одно из тех произведений, которые дают возможность более определенно вникнуть в творческий процесс И.С.Тургенева"¹⁾.

В предисловии к III тому собрания сочинений 1880г. (изд. братьев Салаевых) Тургенев впервые раскрывает перед читателями историю возникновения романа "Накануне" на основе материалов из действительности, указывая на конкретную историческую личность, а именно Н.Д.Катранова - яркого представителя времен болгарского возрождения [этот период из истории Болгарии связан с концом XVIII - первой половиной XIX в. тогда начался бурный расцвет болгарской культуры].

О роли Катранова как прототипа Инсарова достаточно много писали такие выдающиеся ученые, как Андре Мазон, Иван Клинчаров, Н.Л.Бродский, И.И.Виноградов, Г.Б.Курляндская и др. Вокруг этой проблемы очерчивается три направления:

- 1) значение прототипа преувеличивается: И.Клинчаров идентифицирует героя как Катранова;
- 2) роль прототипа признается, но находятся и другие прообразы (к примеру, Л.Каравелов, даже Д.Гарibaldi);
- 3) существует и третья концепция, чьи последователи указывают на русских революционеров-демократов 60-х годов, как прототипов тургеньевского героя.

В данном случае, нам думается, самая целесообразная перспектива - это концепция, которая не относит героя Тургенева к единственному прототипу. "Мне редко приходится выводить какое-либо знакомое мне лицо, т.к. в жизни редко встречались чистые /.../ типы", - замечал И.С.Тургенев. Несомненно, общественная значимость и судьба болгарина Катранова - отправной момент для возникновения творческого замысла романа "Накануне". В окончательное оформление этого замысла могли быть включены элементы из другого жизненного опыта писателя, который нас приводит к таким личностям, как: Ю.Венелин, Л.Каравелов, Р.Жинзифов, П.Р.Славейков, Хр.Ботев, С.Филаретов и др.

Связь "Накануне" с болгарским патриотом Катрановым подтверждается самым ранним планом романа: "Катранов Дм. Ник. /Катрановъ/ /Майдановъ/ Инсаровъ р.1828".

Известный сербский историк И.Скорлич находит несомненное сходство Инсарова и Любена Каравелова. В академическом собрании сочинений и писем И.С.Тургенева (М., 1984г., т. VI, с.446) обнаруживаем фактическую ошибку. Год рождения Л.Каравелова - 1834, а не 1837, о чем свидетельствуют болгарские литературные энциклопедии и учебники. Связи Каравелова с русскими просвещенными кругами были широки. Среди его знакомых были Нечаев, Бакунин, Котляревский, Прыжов, Аксаковы.

Судя по свидетельствам современников, Каравелов не был лично знаком с И.С.Тургеневым, но это не значит, что великий писатель не слышал о "болгарском Герцене".

Если сравнивать судьбы двух болгар: Катранова и Каравелова, - можно найти определенное сходство: происхождение из зажиточных торговцев, учеба на историко-филологическом факультете Московского университета.

Катранов умер молодым скоропостижно в 1855г. Каравелов умер также сравнительно молодым, но уже после освобождения Болгарии от османского ига (1877-78г.г.)

В период работы Тургенева над романом Каравелов был вольнослушателем Московского университета (1857г.). Уже в 1859г. за Каравеловым был установлен негласный полицейский надзор. Вероятнее всего, этот факт объясняется тем, что болгарин был причастен к нечаевскому кружку (упоминания об истории с Нечаевым - в письмах И.С.Тургенева: т.т. IV, VIII, XII, 1863г.)

К моменту ареста членов кружка Нечаева (1869г.) Каравелов был в Сербии в качестве корреспондента русских газет. Из многих "русских" болгар именно Каравелов был самой яркой личностью и, безусловно, талантливым писателем, который по праву считается классиком болгарской литературы.

Можно допустить, что И.С.Тургенев слышал не только о Каравелове-студенте, но и писателе и до, и после освобождения Болгарии, так как наш великий земляк интересовался ситуацией в этой балканской стране и после 1878г.

Еще одной личностью, способной заинтересовать Тургенева, можно считать поэта Райко Жинзифова - поклонника Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Тургенева. Первый биограф этого поэта, переводчик Стефан Бобчев, лично знавший Тургенева, отмечал: "Тургенев создал свой самый величественный тип - Инсарова - из болгарина, не знаю, существовал ли Инсаров или его придумал наш романист, но в Инсарова я вглядывался и видел Жинзифова"².

При внимательном изучении биографии Р.Жинзифова мы убеждаемся в том, что его судьба в известном смысле похожа на судьбы Н.Катранова и Л.Каравелова: с 1858г. жил в России, учился в том же университете, на том же факультете, был близок к славянофилам. Студенческие годы Жинзифова были трудны. Он был вынужден совмещать учебу с работой в Чертковской библиотеке и давать частные уроки. По окончании университета работал педагогом в Москве. С 1866г. он взял русское подданство и остался в Москве навсегда. Деятельно сотрудничал с изданиями "День", "Современная летопись", "Москва".

Поражение Апрельского восстания в Болгарии в 1876г. потрясло Жинзифова. Он не дожид до освобождения 11 месяцев : умер в день своего рождения, 15 февраля 1877г.

Удалось установить, что в пору сближения Тургенева с семьей Аксаковых, близкой к "московским" болгарам, в Москве находились Савва Филаретов, Найден Геров, Петко Каравелов и др. Все эти персонажи также могли оставить след в творческой истории романа "Накануне".

История работы Тургенева над болгарской темой в романе опровергает утверждение В.П.Боткина о том, "что несчастный болгар решительно не удался" (Гутьяр, с. 293).

Тургенев вложил все свое искусство в построение образа Инсарова, чей характер в пределах романа достаточно четко оформлен и определен, и в этом характере великолепно видны национальные черты молодых болгар той эпохи: упорство, стоицизм, стремление к национальному самосознанию и освобождению Болгарии. "Между тогдашними русскими такого еще не было",³⁾ - писал сам романист о своем Инсарове.

За всей болгарской типологией, "русскими" болгарами, стоит, условно говоря, прообраз Д.Н.Инсарова - Юрий Венелин, автор нашумевшей в начале 30-х годов 19 века книги "Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении их к россиянам" (историко-критические изыскания, 1829г.).

Книга этого автора хранится в мемориальной библиотеке И.С.Тургенева в музее писателя в Орле. Венелин, исследователь болгарского быта и фольклорист, первым поднял в России болгарский вопрос.

Целый пантеон болгарских деятелей стоит за образом героя Тургенева. Их драматические судьбы, ранняя смерть практически каждого из них делают их мучениками, по выражению болгарских историков, апостолами, почти святыми. Причем, большая часть этих

людей представляла болгарскую литературу, поэтому все они отличались особенно острым вниманием к национальной культуре.

За кажущимся холодноватым типом болгарина скрывается абсолют жертвенности (Христо Ботев, Васил Левски, Георги Раковски и др.), служение попранной родине, что блестяще показал Тургенев.

Примечания

1. В.Велчев. Език и литература. София. 1966г., № 3, с.2 (перевод мой).
2. Ст.Бобчев. Р.Жинзифов. Пловдив. 1885г., с.5 (перевод мой).
3. И.С.Тургенев. ПСС, т.II, с. 406-407.

Т.Н.Архангельская.

Толстой о Тургеневе.

(По " Яснополянским запискам" Д.П.Маковицкого).

Д.П.Маковицкому довелось быть домашним врачом и другом Л.Н.Толстого на протяжении последних шести лет жизни писателя. Его составлявшие почти ежедневно "Яснополянские записки", снискавшие себе славу достоверного и точного источника сведений о жизни Толстого, содержат обширные материалы, касающиеся связей писателя с его современниками. В этом четырехтомном труде более 120 раз названо имя И.С. Тургенева, отмечены суждения и факты, касающиеся 20 с лишним его произведений. Здесь нет пространных рассуждений или воспоминаний и разговоров Толстого и его собеседников. Но и краткие суждения "кстати" и воспоминания, приходящие иногда, казалось бы, без внешней связи с разговором - интересны и значительны как материал, воссоздающий, пусть, в общем, 25 лет спустя, образ Тургенева в представлении пережившего его современника, после того как в пору подготовки несостоявшейся речи на смерть Тургенева Толстым было перечитано написанное им и осмыслен сложившийся в душе облик Тургенева-человека и писателя. Примеры "явления" Толстому образа живого Тургенева обнаруживают самые разносторонние подходы и взгляды Толстого.

Так, например, в январе 1906 г. Толстой вспоминает осененную добрыми личными отношениями оценку Тургеневым Н.Н.Толстого, который "имеет все добрые свойства, чтобы быть писателем, но не имеет недостатков, нужных для этого, - тщеславия, желания выделиться"¹. Толстой говорит о самом Тургеневе-писателе: "У Тургенева была заметная скромность: своим сочинениям не приписывал значения. Когда в Москве дамы просили его подпись, рассказывая об этом, он удивлялся и даже был рад этому"².

А вот Толстой говорит с гостем Львом Ландовским о писателях, которых интересовала музыка, - Тургеневе, Руссо³. Или, когда в Ясной Поляне ожидали приезда художника Похитонова, говорит сыну Илье: "Его у нас не знают. Тургенев рассказывал мне про него года 24 тому назад, что его картины удивили Париж, и кто-то купил все"⁴.

Толстой требовал: "На портрете должен быть человек, как живой. Копия перовского портрета Тургенева была выставлена в окне художественного магазина на Арбате. Посмотришь нечаянно - впечатление, как живого"⁵. Толстого поразила хорошая фотография этого же портрета в "Вестнике Европы". "Особенно<...> его гла-

за, взгляд. - Тургенев поддается сходству, вследствие исключительности взгляда", - сказал Л.Н.⁵.

"Лично Тургенев был очень изящный, очень милый человек", - говорил Толстой в 1909 г.(10). Было говорено им о Тургеневе, что "он был веселый, хохотал"⁶.

Вспоминая писателей 60-х годов, Толстой отметил: "Тургенев - я его всегда любил. Эх, какой глупый я был (что хотел стреляться с Тургеневым)! Это вспоминаешь! Он (Тургенев) был добрый. Но он не был самобытный. Островский <...> был самостоятельный"⁷.

Или: "Тургенев не был серьёзный человек <...> Достоевский не был так изящен, как Тургенев, но был серьёзный"⁸.

"У Тургенева описания природы хороши, и у него что народ говорит, - верно. Но он принимает au sérieux /серьез/ влюбление и придает ему значение. Вообще художественное описание - пустое писание"⁹. Но художественный стиль Тургенева не оставлял Толстого равнодушным. Так по поводу одного рассказа В.Вересаева он заметил: "Тургеневский стиль у Вересаева"¹⁰. Читая в октябре 1906 г. письма Тургенева к Виардо в приложении к "Новому времени", Толстой не пропустил в письмах свидетельств писательского мастерства Тургенева: "Есть в них и художественные подробности, - сказал Л.Н., - как в дождливую погоду утка мокрой перепонкой ноги чешется..."¹¹

В "Яснополянских записках" отражены и литературные вкусы, беседы о них и споры двух писателей.

Однажды Толстой вспомнил, как, когда он был у Тургенева в Спасском, Тургенев ему посоветовал прочитать Гаршина. позже Мопассана, просто так, "желая не подготавливать вперед моего суждения"¹².

Толстой говорил о Гёте: "Прочел все его 42 тома. Тургенев так его превозносил, наговорил мне о нём, что я дал себе труд всего прочесть. Сколько людей - мои предшественники Тургенев с Герцеком - воспитаны на Гёте"(18).

Толстой, отмечая, что "Шекспир выше современных драм, "подчеркнул: "Даже Шекспир, которого я смолоду не люблю, спорил о нем с Тургеневым"(19).

Слушая стихи А.С.Хомякова, Толстой вспоминает: "Тургенев, а за ним и другие, решили, что у Хомякова нет поэтического таланта, а он его имел"(20).

В 1905 г. Толстой рассказал, что Тургенев прочел в английском журнале критику на Диккенса "и по этой критике судил, что он деланный, пишет манеры ради <...> Критик так написал, и Тургенев дал себя обмануть" (21). Через год Толстой вспомнил об этом пре-

красном месте у Диккенса: "Описание сбора винограда в Швейцарии. Везде виноград, обилие его, собаки его едят.

Л.Н.: Тургенев говорил, что там ничего нет, что это манерность, что Диккенс исписался. Я с ним не согласился. Никак не исписался"(22). (Тут же Толстой отметил , что в похожей сцене в его "Казаках" он "просто подражал" Диккенсу).

О Жюле Верне, который раз был у Виардо, Тургенев, по словам Толстого, говорил, "что это самый глупый человек во всем французском государстве. Но тут Тургенев преувеличивал"(23), добавлял Толстой , отмечая в другой связи, что Верн - "интересный, юмор у него"(24).

"Вот я Жорж Санд никогда не любил. Тургенев восторгался ею как писателем"(25).

Однажды Толстой, советуя дочери читать мемуары Сен-Симона, (сохранившиеся в его библиотеке в издании 1789 г),сказал: "Мы завтра будем читать Duc Saint-Simon<...> Тургенев, бывши в Ясной, взял с полки Duc Saint-Simon. Читал с наслаждением."(26)

В записи за 20 апреля 1909 г. у Маковицкого отмечен приезд в Ясную Поляну Андре Мазона, (тогда преподавателя французского языка в Харькове), Из писателей вспоминали Гончарова, которым он тогда интересовался. "Л.Н.:<...> Я помню, Тургенев относился иронически к нему, а к его писаниям с уважением"(27). Мазон рассказал о споре между Тургеневым и Гончаровым по поводу замысла "Дворянского гнезда".

Слышав об этом прежде от других, Толстой рассказал в 1909 г. о чтении им в газете, за что был сослан Тургенев в 1852 г. - за письмо по поводу смерти Гоголя.

В разговоре о Белинском отметил: "Это одно из наших разногласий с Тургеневым. Он ужасно любил Белинского, а я не мог его читать. Читал только ради того, чтобы с Тургеневым мог говорить про него"(28).

Вспоминал Толстой и известный факт о чтении им у Тургенева в Петербурге комедии Островского "Не так живи как хочется"(29).

О Писемском говорил: "Тургенев его всегда хвалил, я спорил с ним" (30).

В Петербурге при чтении Толстым у Тургенева поэмы Огарева "Зимний путь". Тургенев оценил её, как "лучшее произведение в мире". Лично знавшая Тургенева Татьяна Львовна в разговоре об этом стихах сказала: "Он легко восхищался" (31). - "Тургенев хвалил Огарева стихи<...> я в них ничего не находил", - сказал Толстой(32).

У Маковицкого запечатлены приходившие на память Толстому общения с Тургеневым, некоторые частные детали то петербург-

ского времени, то времён последующих встреч в Спасском и Покровском, то впечатления заграничного путешествия 1857 г.

Так, в беседе с сыном М. де Вогюз в 1905 г. Толстой вспоминает: "В большом городе деньги потеряли цену - Мы с Тургеневым обедали у Дюссо, счёт -12 рублей. На эти деньги в деревне купишь козову, молодую лошадь"(33).

Однажды сестра Толстого Мария Николаевна так вспоминала о том, что Толстой посвятил Тургеневу один из своих рассказов ("Рубка леса"): "Тургенев встал на стол, поднял книгу ("Современник") до потолка - комната у нас низкая была: "Вот как я вырос теперь! Толстой посвятил мне рассказ"(34). (Этот случай мог иметь место в Покровском, имении М.Н.Толстой). у

Рассматривая репродукции старых картин на открытках, весной 1910 г. Толстой "делал замечания: "Мадонна Сикстинская, когда я с Боткиным, Тургеневым смотрел её, они восхищались, и я хотел внушить себе, что она хороша, но напрасно"(36). (Толстой посещал Дрезденскую галерею 5 и 6 августа 1857 г.)

Читая Гёте в 1906 г., Толстой заметил: "Он влюблялся в ба-рышень сразу в штук пять и наслаждался их влюблённостью и своей, а потом бросал. И это тогда считалось ничем. И Тургенев так <...> В Дижоне, остановились в гостинице в одном номере. Была горничная, вышла из номера, и Тургенев вышел. Потом вернулся : "А я её поцеловал",- сказал"(37).

В связи с чтением заметки по поводу книги Н.М.Гутьяра "И.С.Тургенев" осенью 1907 г. А.Б.Гольденвейзер спросил у Толстого "что-то о Тургеневе, потом о раздоре, который был между ними. Л.Н. не отвечал, ему как бы не хотелось об этом - большое место - говорить. Потом сказал: - Тургенева с любовью вспоминаю"(38). В 1909 г. в общем разговоре С.А.Толстая "высказала своё предположение, что недоброе чувство между Л.Н. и Тургеневым происходило оттого, что Тургенев отбил у Л.Н. даму в Петербурге. Этот случай рассказал ей Л.Н. когда-то, а она приводит это в связь с распрей между Толстым и Тургеневым"(39). (Толстого при этом разговоре, похоже, не было). В мае 1910г. Толстой говорил "про статью Сергеевко в "Русских ведомостях" о ссоре Толстого с Тургеневым.

- Верно. Помню подробности. Откуда он взял это?" (Ему ответили, что " об этом выбрано из биографии Тургенева")(40).

"Был Тургенев в связи с Виардо? - спросил кто-то по поводу статьи о том в какой-то газете (или журнале)

Л.Н.: Кажется, нет. Кому какое дело до этого <надо ли> это перетрачивать?" (41).

Толстой рассказал однажды характерный эпизод: "В Баден-Бадене m-me Viardot играла перед будущим императором Виль-

гельмом I, а пятидесятилетний Тургенев играл перед ним роль не то слуги, не то шута. Толстому тяжело было это вспоминать. Он рассказывал так, как будто бы сам присутствовал при этом, словно сам это пережил, а не слышал от других"(42). (Речь шла об оперетте Тургенева и Виардо "Последний колдун").

Читая опубликованные письма Тургенева к Виардо, Толстой сказал: «Жалею, что печатают их. И мои будут печатать"(43).

Строка Маковицкого побуждает иногда к углублению в вопрос, подчас не такой простой, как кажется на первый взгляд. Например, Илья Львович Толстой в 1908 г. "вспоминал, как Л.Д.Урусов, споря с Тургеневым, скользил, скользил со стула, очутился на полу и продолжал спорить сидя; потом встал и засмеялся.

Л.Н. (Об Урусове): Урусов был мне совершенно близок по взглядам. Он был не умный, а разумный. Тургенев был умный, но неразумный"(44).

Подтверждение у Маковицкого фразы Толстого о том, "что стихотворение в прозе - это было его изобретение. Он дал эту мысль Тургеневу"(45)-подкрепляет сказанное о том же в книге П.А.Сергеенко "Как живет и работает граф Л.Н.Толстой" (против этого возражали исследователи жизни и творчества Тургенева).

В июне 1909 г. Толстой с одобрением слушал "Стихотворения в прозе" в чтении зятя, М.С.Сухотина. Вот он "прочел описание природы: сперва один, потом два белых голубя летят.

Л.Н.: Это хорошо. - И Л.Н. добавил, что у Тургенева описания природы художественны. В этом он мастер.

Потом Михаил Сергеевич прочел Тургенева мысли о смерти.

Л.Н.: Это хорошо.

Потом прочел о русском языке. Л.Н. издал звук <...>, означающий одобрение. Потом прочел о спутнице-обезьяне, что есть в "Круге чтения". Это Л.Н. очень похвалил"(46). В другое время Толстой с нежностью сказал о маленькой внучке: "Танечка напоминает мне тургеневскую обезьянку"(47).

Кроме "Морского плавания" и "Воробья", Толстой включил в "Круг чтения" в сокращении рассказ Тургенева "Живые мощи". Говоря однажды о своих занятиях с крестьянскими детьми, сожалел, что этот прекрасный рассказ "не подходит им"(48). В 1910 г. С.А. Толстая вспомнила, как Толстой просил Тургенева "подарить нуждающемуся в деньгах её брату Степану "Перепелку" и Васнецов её иллюстрировал"(49). Рассказ Тургенева был напечатан в сборнике "И.С.Тургенев и Л.Н.Толстой. Рассказы для детей". В 1906г. этот рассказ припомнился Толстому: он приглашал одного из гостивших знакомых поехать с ним на верховую прогулку, но потом сказал: "-Лучше нет, будем говорить, закружатся у нас головы. Как перепела:

до того кричат, пока не закружатся головы и не упадут, так говорил Тургенев"(50).

Думая о судьбе произведений Тургенева в будущем в России, Толстой сожалел о том, что "Тургенев не понимал того, что такое в России земельный вопрос. А он был чуткий человек; он чутко относился к освобождению крестьян, а этого-то он не понимал"(51). В 1907 г. Татьяна Львовна "читала вслух свои воспоминания о Тургеневе и его письма к Л.Н-чу. Тургенев в 1857 г. писал, что готов отдать всё крестьянам, только бы не быть баринном"(52). Толстой одобрительно отзывался о том, что Тургенев до уничтожения крепостного права крестьян "на оброк отпустил"(53).

В 1907 г. про "Новь" Тургенева Толстой "сказал: -"Новь"- наше время. Там предсказывается народный человек. Тургенев указывает, в чем сила в нем.

Михаил Сергеевич:- А Тургенев на его стороне?

Л.Н.: Он, как всегда, старался объективно изобразить"(54).

В 1906 г. в разговоре о том, что у Горького не было нового, религиозно-нравственного мировоззрения. Толстой добавил: "И у милого Тургенева никакого мировоззрения не было; он описывал, что есть. Он просто откликнулся"(55).

Толстому иногда казалось, что Тургенева не читают, и он обречен на такую память, какая осталась, например, после Жуковско-го. В этом смысле он считал обреченным и свое художественное творчество и сказал однажды в 1909г.: "<...> художественные произведения мои уже состарились, как Тургенев"(56).

В том же 1909 г. Д.П.Маковицкий записывает о стихотворении Тургенева "Порог": "Михаил Сергеевич вспомнил какой-то стих в прозе Тургенева, подражание Некрасову, о революционных русских женщинах, который*¹, когда много лет тому назад прочли Л.Н-чу. он не вытерпел сказал про Тургенева: "Негодяй!"

Л.Н. по этому поводу сказал, что Тургенев не был самостоятельным. Подражал вкусу общества. Он дорожил славой <...> Представляю себе молодежь, юношей 16-17 лет, которым слова Тургенева были paroles d'Evangile /евангельскими изречениями/" (57).

За год до этого имел место такой эпизод. - Толстой прочитал в газете сообщение о том, как девушка убила городского. Затем он сказал: "В японском журнале в "Review of Revolution"- перевод Тургенева на английский: девушка стоит перед страшным зданием в раздумье, войти или не войти, и входит; слышится голос. - "Она безумная", а другой голос - "Она святая". Вот эти две вещи читал одну за другой (Тургенева - в японском журнале, про убийство го-

* Так в тексте Д.П.Маковицкого. - Т.А.

родовых- в русской газете).- Вот действие* Тургенев пользуется авторитетом, и его вещь проникла уже в Японию. Надо обращаться со словом осторожно, особенно писателю."(58).

В последней части своего дневника Маковицкий приводит такой эпизод. - Незадолго до смерти, в мае 1910 г. по дороге в Ясную Поляну из Кочетов Толстой читал речь, произнесенную 1 марта 1909 г. академиком А.Ф.Кони по поводу дня рождения Тургенева, тогда только что напечатанную в Известиях Академии Наук. Чертков спросил, какого характера статья. "Л.Н. замаялся.- Чертков: Литературная? Л.Н. согласился"(59).

Может быть, он размышлял о том, что сказал бы сам. В 1883 г., побуждая его выступить со словом о Тургеневе, Страхов написал Толстому: "Вы понимаете его и его смерть лучше, чем кто-нибудь"(60). Зафиксированные в "Записках" Маковицкого сведения - одна из форм "продолжения" его запрещенной речи и форма выражения не ушедшего до конца дней Толстого состояния, о котором еще 30 сентября 1883 г. в одном из писем к жене он написал: "О Тургеневе всё думаю <...> Я всё с ним живу" (61).

Примечания

Источники приведенных выше мыслей указываем по изданию: Маковицкий Д.П. У Толстого. Лит. наследство Т.90.М.,1979; римской цифрой обозначена книга, арабской - страницы.

1. II, 13	16. II, 252	31. II, 301	46. II, 438
2. III, 56	17. II, 462	32. I, 328	47. II, 79
3. III, 175	18. II, 246	33. I, 173	48. II, 386
4. I, 255	19. I, 473	34. III, 144	49. IV, 326
5. II, 216	20. I, 467	35. II, 40	50. II, 40
6. III, 304	21. I, 168	36. IV, 226	51. III, 175
7. I, 310	22. II, 243	37. II, 248	52. II, 428
8. II, 385	23. II, 101	38. II, 506	53. I, 291
9. III, 385	24. II, 176	39. IV, 24	54. II, 364
10. III, 435	40. IV, 250	40. IV, 250	55. II, 133
11. I, 310	26. II, 262	41. IV, 262	56. III, 360
12. III, 114	27. III, 388	42. I, 216	57. III, 453-454
13. II, 399	28. II, 528	43. II, 270	58. II, 399
14. III, 237	29. I, 413	44. III, 45	59. IV, 259
15. II, 67	30. II, 221	45. II, 382	

60. Переписка Л.Е.Толстого с Н.Н.Страховым. Спб.

1914.С.306

61. Толстой Л.Н. Полн. Собр. Соч. в 90-та томах. М.-
Л.1928-1958. Т.83. С.397.

Л.М.Александрова.

Н.Н.Рашет (этюд к образу тургеневской женщины).

Одной из замечательных женщин, которая остановила внимание Тургенева и которую мы можем назвать "тургеневской", была Наталья Николаевна Рашет. Отношения с ней писателя не обратили пока еще на себя внимание исследователей. Тургенев познакомился с ней в 1860 г. или 1861г. в Париже, вероятно, через К.Случевского, и с тех пор в течение десятилетия их связывала самая сердечная дружба. Они постоянно переписывались, часто встречались. Тургенев читал ей свои новые произведения, принимал самое близкое участие в ее семейных делах, очень тепло относился к ее дочерям. Он подарил Мане Рашет в 1866 г. "Волшебные сказки" Ш.Перро, ранее приглашал ее к себе на детские рождественские обеды, которые, видимо, были у Тургенева в начале 60-х годов традиционными.

Зимы 1860 и 1861 годов Тургенев и Рашет одновременно жили в Париже. Ко времени знакомства с писателем она пережила личную драму - развод с неким Антроповым, драматургом и критиком, служившим в "Московских ведомостях" Каткова и написавшим в 70-е годы самый резкий отзыв о "Вешних водах". Этот отзыв вызвал тогда всеобщее возмущение, и даже, как писал П.В.Анненков, "у благоволящих Каткову индивидов". В ответном письме Анненкову Тургенев делает предположение относительно мотивов, которыми руководствовался автор: "Быть может он знает, что я нахожусь в дружеских отношениях с его женой, а, быть может, он так старался просто по приказу Каткова". По словам Тургенева, Рашет разошлась с мужем через несколько недель после свадьбы из-за его диких поступков. Но, разведясь с ним, она вынуждена жить за границей - с 1862 по 1872 годы - в Париже, Германии, Швейцарии. Однако и здесь ее положение не просто. Тургенев, многократно приглашая ее посетить Баден временно, настоятельно не рекомендует ей поселиться там постоянно. Это было, видимо, неудобно для семьи Виардо.

До нас дошли 53 письма Тургенева к Рашет. И в них мы находим чувство сердечной приязни писателя по отношению к Наталье Николаевне: "Я глубоко уважаю правдивость, чистоту и доброту Вашей души" (письмо от 29 мая/3 июня 1866 г.).

"Выражения Вашего расположения ко мне очень меня тронули: я чувствую, что мы навсегда останемся друзьями" (письмо от 11/23 авг. 1862 г.).

"Я не могу забыть, как Вы мне обрадовались на станции - Вы очень милое и хорошее существо" (от 10/22 июля 1862 г.).

Его покорило в Рашет то, чем всегда удивляла его русская женщина: самобытной жертвенностью и глубоким чувством долга.

Письмо от 3 янв. 1869 г. не оставляет сомнения в характере тех чувств, которые питала Наталья Николаевна к Тургеневу: "Милая Наталья Николаевна - что мне отвечать на Ваше письмо? Мне очень жаль Вас и удивление наполняет мою душу. Как возможно питать те чувства, о которых Вы пишете? Неужели Вы не видите сами, что я человек, покончивший с волнениями и живущий одними воспоминаниями да спокойным участием в течение ежедневных событий? Вы ответите, что Вам все это известно, что Вы ничего не требуете, что Вам и так хорошо; но в таком случае - откуда та скорбная нота, которая звучит во всем, что Вы говорите? Я начинаю думать, что наши свидания приносят Вам вред и расстраивают Вас. Очень и очень жаль, что Ваша жизнь так грустно сложилась и так рано опустела - и Вам для наполнения ее попала на руки такая мертвая глыба, какова моя личность". Тургенев очень деликатно и мягко переводит их отношения в дружеское и творческое русло. В 1865 г. предлагает Рашет участвовать в переводе "Сказок Ш.Перро", который по его просьбе осуществлял Н.В.Щербань. Памятуя недавнее сотрудничество, он теперь предлагает ей быть посредницей в его отношениях с немецким переводчиком и издателем Морицем Гартманом в связи с готовящимся изданием перевода романа "Дым" на немецкий язык.

Н.Н.Рашет, как и Е.Е.Ламберт, была литературным советчиком и критиком Тургенева, Тургенев читал ей в Дрездене повести "Несчастливая" и "Призраки", в Бадене рассказ "Стук... Стук... Стук" и роман "Дым". Очень настойчиво приглашал Тургенев Рашет на чтение "Дыма", видимо, дорожа ее мнением. Чтение состоялось 29 янв. 1867 г. в присутствии А.М.Жемчужникова.

Все эти годы Наталья Николаевна переживала скрытую драму. Случевский, познакомивший Рашет с Тургеневым, в течение многих лет добивался ее руки. И хотя у них была внебрачная дочь, этот брак не состоялся. Эту девочку, Елену, Наталья Николаевна представляла Тургеневу как сироту, взятую ею на воспитание. Но, видимо, вскоре ему стало известно истинное положение вещей. И когда Рашет, возвращаясь в Петербург в конце 60-х годов, просила совета у Тургенева, брать ли ей с собой Елену, писатель рекомендует представить ее как дочь ее умершей бонны. Быть может, история с внебрачной дочерью Рашет легла в основу истории с приемной дочерью Потугина в романе "Дым"?

Образ Ворошилова-Случевского во всяком случае просматривается уже в письмах Тургенева к Рашет. Его верхоглядство, легкомыслие, легковерие, беспринципность: "... что подельывает милей-

ший поэт-живописец-историк-философ-экономист-публицист Случевский?"

"Я недавно ездил в Гейдельберг и нашел там следы юного поэта... Оказывается, что он все так же любезен и легковверен, легкомыслен, как юноша в "черной шали"... Чем он теперь занимается - стихотворениями, социализмом или тригонометрией".

По поводу получения Случевским степени доктора философских наук этого университета Тургенев писал: "... предмет, выбранный им, по своей приятной неопределенности, как нельзя лучше соответствует характеру его - и всей подготовке его воспитания".

Узнав о прекращении отношений Рашет со Случевским, Тургенев писал 22 мая, 17 июня 1866 г.: "Это известие - не слишком опечалило меня... - главное его качество в моих глазах было - его неизменная преданность Вам. Утратив ... преданность и верность Амадиса Галльского (герой знаменитого испанско-французского романа XV века, идеал средневекового рыцарства - Л.А.), он не представляет ничего особенно привлекательного и надежного".

Письма Рашет к Тургеневу, к сожалению, до нас не дошли. Но тем не менее мы имеем возможность прикоснуться к жизни семьи Рашет через уникальный документ, хранящийся в фондах музея И.С.Тургенева. Он был прислан в 1978 г. потомками Рашет, живущими в Петербурге, главному хранителю фондов А.И.Понятовскому. Это дневник М.Рашет, той самой "Мани", о которой так заботился Тургенев.

Основная часть дневника написана по-французски (перевод Л.А.Балыковой). С Дневником была прислана и фотография Натальи Николаевны, которую, по-видимому, можно отнести к 60-м годам, времени наибольшего сближения с ней Тургенева.

Альбом для дневниковых записей в кожаном переплете с монограммой М.Р. и короной над ней был подарен Натальей Николаевной дочери в день ее 15-летия.

1-я его часть написана по-французски и датирована июнем-июлем 1868 г. - разгар отношений Тургенева и Рашет. В этих записях представлен образ жизни русского семейства, путешествующего по Германии в то время, когда Тургенев жил в Бадене. У Мани каникулы. Она еще гуляет с бонной, пишет об уроках, ловит бабочек, проявляет интерес к естествознанию. Но девочка превращается в молодую девушку, в ней уже проявляются черты матери. Она называет себя мужчиной, выбирает для прогулок самые рискованные тропинки, ей свойственно утонченное художественное чувство. Здесь много описаний - ландшафта, старинных замков, закатов и восходов, водопадов, музыкальные и театральные впечатления, первая дружба, отношения с матерью. Немногими штрихами нарисован

образ матери. Она рисует пейзажи, сдержанна, никогда не целует девочек, что вызывает сомнения в ее чувствах; но вот дети заблудились в горах и по возвращении они видят Наталью Николаевну плачущей, что открывает им любовь матери. - "Матушка в сиреновом платье, удивительная красавица, ей можно дать 27 лет, высокая, изысканно-величавая. У нее так много вкуса, я хочу быть такой, как она", - пишет девочка. Очевидно, не одни внешние черты привлекали Маню в матери, но, прежде всего, ее душевные качества. Она уделяла много внимания воспитанию дочерей, которые получили блестящее образование.

В записях 15-летней девочки - скептическое отношение к религии: "Как верить в религию, когда убеждаешься в глупости и несоответствии веры действительности". Размышления о религии приводят ее в дальнейшем к "Катехизису" Л.Н.Толстого, который переписан в дневнике. Есть в нем и выделенные слова: "Выше всего на земле ставить человеческое достоинство, свое и чужое".

В этой части дневника нет ни слова о Тургеневе. Случайно ли это?

Во 2-й части переписаны стихотворения на пяти языках, кроме русского, - на французском, английском, немецком, итальянском, латинском. Интересная деталь - стихотворение на иностранном языке, а на второй половине листа - перевод на русский язык, по-видимому, самой Марии Владимировны. Как видно, переводческие опыты ее матери побудили и ее попробовать себя на поприще переводчика.

Другая любопытная деталь - в альбом вклеен листок, выделенный рамкой - стихотворение известного переводчика того времени, знакомого Тургенева, автора антологических переводов, писавшего и оригинальные стихи, - Петра Исаевича Вейнберга. Мы полагаем, что это автограф самого Вейнберга. Есть здесь и еще одно переписанное стихотворение того же автора.

Много стихотворений Н.А.Некрасова, А.Кольцова, И.Никитина (свидетельство народнических настроений тогдашней молодежи), стихи А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.А.Фета, А.М.Жемчужникова, И.С.Аксакова.

В 1872 г. Маша Рашет выходит замуж. Этим временем и датировано последнее письмо Тургенева к Наталье Николаевне, в котором писатель благодарит ее за приглашение быть посаженным отцом на свадьбе дочери. Маня становится М.В.Велиховой. Известно, что Тургенев был знаком с ее мужем, но пока не удалось установить, кто такой Велихов.

В 1870-е годы у Натальи Николаевны появляются внуки - Лева, Боба, Мими, которые впоследствии тоже пишут стихи в альбом.

Обращают внимание стихи, датированные 1877 годом - "Крымская война", стихотворение В.Сологуба, "Златоволосый ангел" и запись - "Мой вариант стиха". По-видимому, Мария Владимировна не только переводила, но и писала оригинальные стихотворения.

Дневник перешагивает рубеж 19 века. 20 век начинается рисунком - изображение аиста, несущего кувшин. В дневнике появляются поэты серебряного века К.Бальмонт. М.Лохвицкая. 1914 годом помечено стихотворение Юр. Церетели "Немцам".

Мария Владимировна оказалась достойной дочерью своей матери. В укромном месте дневника найдено нами запрятанное в крошечном конверте, заклеенном сверху, письмо Марии Владимировны своей дочери об оставленных в шкатулке на самый крайний случай пятистах рублях. Эти деньги хранились еще бабушкой Натальей Николаевной.

По-видимому, бывшее благополучие и достаток семьи ушли.

Последняя запись в дневнике - времен гражданской войны: "пальто и шубы проданы, брюки проданы, пиджак продан..."

Дневник М.В.Рашет - интересный памятник эпохи. Таких документов, наверное, сохранилось немного. Думается, это интересная работа для будущего исследователя.

Примечания

1. П., т.V, с.317.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т.- Письма.-М.-Л.:Наука, 1960-1968. В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию с указанием в тексте статьи серии П (Письмо), тома (римск.) и стр. (арабск).

2. П., т. V, с.56.

3. П., т.V, с.326.

4. П., т.VI, с.78,90.

5. ОГЛМТ, № 9555 оф.

А.М.Кокин.

«В особенности поклонитесь Менцелю...»

Среди друзей и знакомых великого русского писателя И.С.Тургенева особое место занимает Адольф Менцель, которого он высоко ценил как человека и художника.

Менцель (Menzel), Адольф фон (1815-1905), немецкий график и живописец, автор картин на исторические темы и жанровых картин, портретов и пейзажей.

Его самостоятельная творческая деятельность начинается рано: в 18 лет он заканчивает серию литографий по мотивам стихотворений Гете «Превратности судьбы художника»; в 24 года получает заказ сделать иллюстрации к «Истории Фридриха Великого» Ф.Куглера. Они стали новым явлением в немецкой графике – реалистические произведения, основанные на наблюдении, изучении жизни. В 40-е годы Менцель создает картины, иллюстрирующие «Сочинения Фридриха Великого», а также городские пейзажи и портреты близких ему людей.

В марте 1848 года, в начальный период революции в Германии, возникла его первая историческая картина «Похороны мартовских жертв».

В конце 40-х – начале 50-х годов Менцель возвращается к работе над темой Фридриха Великого. Картины «Застольный круг в Сан-Суси», «Концерт в Сан-Суси», «Битва при Хохкирхе», «Добрый вечер, господа» и др., составившие знаменитую «Фридрихиану», принесли художнику славу исторического живописца.

В 50-е – 60-е годы главное место в творчестве Менцеля занимает жанровая живопись. Источником сюжетов для жанровых полотен послужили ежегодные путешествия по Германии, Австрии и другим европейским странам.

В 1875 году художник закончил свою знаменитую картину «Железопрокатный завод», где он впервые в европейском искусстве изобразил труд рабочих.

В последние годы жизни Менцель в основном занимается графикой («Детский альбом»). Скончался художник 9 февраля 1905 года.

Для творчества Адольфа Менцеля характерны острая наблюдательность, трезвое, деловое описание без пафоса и идеализации.

В России горячим почитателем Менцеля был В.В.Стасов, высоко ценили и пропагандировали его искусство А.Бенуа и С.Дягилев¹.

Из письма близкого друга русского писателя немецкого художника Людвиг Пича Теодору Штурму явствует, что И.С.Тургенев познакомился с А.Менцелем в начале июня 1865 года. Л.Пич пишет: «... Шесть недель тому назад у нас была большая радость: Тургенев заезжал сюда по пути в Россию... Он совершенно очаровал весь наш здешний кружок с Менцелем во главе, а Тургенев в свою очередь увидел в Менцеле самое значительное явление нового искусства среди всего того, что ему до сих пор где-то и когда приходилось встречать»².

На то, что именно Л.Пич явился инициатором знакомства великого русского писателя с Адольфом Менцелем, указывает и Рольф-Фридрих Клуге³. В конце 1869 года Тургенев посетил Менцеля во время своего кратковременного пребывания в Веймаре⁴.

Упоминания об Адольфе Менцеле неоднократно встречаются в воспоминаниях Людвиг Пича и письмах, адресованных Тургеневым ему и Полине Виардо.

Из «Воспоминаний» Л.Пича: «... Я всегда с удовольствием вспоминаю, что мне удавалось служить посредником при завязывании этих отношений, со временем превращавшихся в дружеские. Я могу назвать прежде всего Юлиана Шмидта, Адольфа Менцеля и Рейнгольда Бегаса. Талантливость, серьезность, внутренняя правдивость, откровенный и верный взгляд на жизнь, которые Тургенев нашел в произведениях Менцеля, восхищали его и сделали из него горячего поклонника искусства и личности этого несравненного мастера». И далее: «То же, что привязывало Тургенева к Менцелю в области пластического искусства, сблизило его с Флобером и послужило основанием их прочной дружбы. Как у немецкого живописца, так и французского романиста он находил серьезное, благоговейное отношение к делу, неподкупную любовь к правде, откровенность и строгость художественной совести, которые казались ему, наряду с талантливостью, первыми основами и главными условиями настоящего искусства»⁵.

Из писем И.С.Тургенева Людвигу Пичу: «То, что вы пишете мне о Менцеле, возбуждает во мне прямо-таки гордость. В конце концов вы сделаете меня тщеславным» [из письма 15(27) января 1865 года]⁶. В примечании к письму поясняется: «Что писал Пич Тургеневу о Менцеле – неизвестно; вероятно, передал ему высокое мнение художника о произведениях Тургенева»⁷.

«В особенности поклонитесь Менцелю и уверьте его в моем самом искреннем участии и почтении» [из письма от 5(17) июля 1865 года]⁸.

«... самые наилучшие приветы всему семейству, всем друзьям с Менцелем во главе» [из письма от 7(19) февраля 1866 года]⁹.

«Кланяюсь всем добрым приятелям, начиная с Менцеля» [из письма от 5(17) мая 1866 года]¹⁰.

В письме к Л.Пичу от 23 марта (4 апреля) 1873 года писатель просит передать поклон художнику¹¹.

В письмах Полине Виардо от 3, 4 (15,16) февраля 1867¹² года и 15(27) февраля 1867¹³ года Тургенев просит передать тысячу приветов от него, в том числе и Менцелю.

В письме к П.Виардо от 21 мая (2 июня) 1865 года писатель высоко оценивает три картины Менцеля, которые ему «показались просто шедеврами»: одна – большое полотно, над которым художник работал четыре года (1861-1865), - «Коронация короля Пруссии Фридриха-Вильгельма I в Кенигсбергском соборе», две других – на сюжеты из жизни Фридриха Великого. «Я, может быть, сильно преувеличиваю, но должен сказать, что мощь колорита, равно как и верность и тонкость в портретных изображениях у этого художника необыкновенные. Он напоминает мне Рембрандта – этим сказано все! Он подарил мне литографию, сделанную им самим с одной из его картин – «Спор отрока Иисуса Христа во храме». Это безжалостный реализм, но я нахожу это удивительным...»¹⁴

Восторженный отзыв о Менцеле содержится и в написанном после визита к художнику письме к Клоди Виардо от 18(30) декабря 1869 г.: «... он показал мне этюды, акварели. Утверждаю, что это чудо из чудес...»¹⁵

В письме Людвигу Пичу от 16(28) января 1876 года И.С.Тургенев в постскриптуме сообщает: «Только что получил от Менцеля написанное лапидарным почерком письмо, он пишет мне о своей исторической картине; я, пожалуй, купил бы ее – не для себя – а в дар одной московской школе рисования; не могли бы вы с присущей вам тонкой дипломатичностью узнать, сколько это может стоить? приблизительно?»¹⁶ В письме Л.Пичу от 4 февраля 1877 г. писатель благодарит адресата «за фотографию картона Менцеля, наконец, благополучно прибывшую. Но запоздало лишь время благодарности – сам я давно преисполнен ею. Я очень люблю эту вещь. Она серьезна и правдива – и представляет собой произведение мастера»¹⁷. В примечании к письму говорится: «Письмо А.Менцеля неизвестно». Картон – в специальном значении слова – вспомогательный рисунок, воспроизводящий задуманную композицию в масштабе будущего произведения. Здесь – картина. Трудно сказать точно, о каком «историческом картоне» здесь идет речь. Тургенев, видимо, предполагал подарить картину А.Менцеля первой в России рисовальной школе (Художественно-промышленному училищу, основанному С.Г.Строгановым в 1825 году в Москве). При школе был художественно-промышленный музей¹⁸.

Любопытно, что Теодор Фонтане, которого связывала тесная дружба с Менцелем (правда, в более поздние периоды жизни художника, хотя познакомились они еще в 40-е годы), в письме к Людвигу Пичу охарактеризовал Менцеля и Тургенева как выдающихся мастеров (соответственно, кисти и художественного слова), с которых ему хочется брать пример¹⁹.

В мае 1871г. Менцель написал карандашом портрет Тургенева, оригинал которого погиб во время бомбардировки Дрездена в феврале 1945 года. На портрете – надпись рукой Менцеля: «Turgeneff. Mai 1871». Первоначально портрет был приписан Л.Пичу, но в каталоге Бергнера 1939 года уже установлено авторство А.Менцеля, на что впервые указал Х.Раппих²⁰.

По свидетельству Гальперина-Каминского (он ссылается на Пича), существовали письма Тургенева к Менцелю²¹, а также письма Менцеля к Тургеневу²², однако ни одно письмо из переписки не сохранилось.

Примечания

1. Сведения о Менцеле как о художнике помещены в следующих изданиях:
  - Мастера мирового искусства: Адольф Менцель. М.: «Советский художник», 1965. Автор-составитель Е.Марченко.
  - Trost, E(dit). Adolph Menzel. Berlin: Henschelverlag Kunst und Gesellschaft, 1980. СЭС, М.: «Советская энциклопедия», 1980, с.799
  - Der brockhaus in einem Band. –6., vollständig uberarbeitete und aktualisierte Auflage.-Leipzig; Mannheim: Brockhaus, 1994, s.644
  - Du Mont's Kunstler-Lexikon/Herbert Read (Hrsg.). Koln:Du Mont, 1991, s.378-379.
2. Письмо Л.Пича Теодору Шторму от 19 июля 1865 года: Литературное наследство, т.76. И.С.Тургенев. Новые материалы и исследования. М.: «Наука», 1967, с.567. См.: раздел»Тургенев в переписке Теодора Шторма с Людвигом Пичем», с.579-592.
3. Kluge Rolf-Dieter. Ivan S.Turgenev. Dichtung zwischen Hoffnung und Entsagung. Munchen: Wewel, 1992, s.14.
4. Zekulin, Nicholas G. Vortrage und Abhandlungen zur Slawistic. Bd.15: The Story of Operetta: Le dernier Sorcier by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. Munchen: Otto Sagner, 1989, s.62.

5. И.С.Тургенев в воспоминаниях современников в двух томах. Том второй. М.: «Художественная литература», 1983, с.254-256.
6. И.С.Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах// Письма в восемнадцати томах. Издание 2-е, исп. и доп. Письма, т.6 (апрель 1864-декабрь 1865). Изд-во «Наука». М., 1989, с.208.
7. Там же, с.285.
8. Там же, с.228.
9. Письма, т.7: 1866-июнь 1867 7. М.: «Наука», 1990, с.230.
10. Там же, с.234.
11. Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1871-1875). Автор-составитель Н.Н.Мостовская. Санкт-Петербург: «Наука», 1998, с.123.
12. Письма, т.7, с.101.
13. Там же, с.254.
14. Письма, т.6, с.222.
15. Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1867-1870). Автор-составитель Н.Н.Мостовская. Санкт-Петербург: «Наука», 1997, с.157.
16. И.С.Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах// Письма в восемнадцати томах. Письма, т.11 М.-Л.: «Наука», 1966, с.397.
17. Там же: Письма – том 12, книга 1: 1876-1878, с.433
18. Там же: Письма – том 11, с.560 (примеч. 6).
19. См. выше – 1: Trost, E(dit). Adolph Menzel, s/11/
20. Rappich H. Eine Turgenevzeichnung Adolph Menzel//Turgenev und Deutschland. Band I s.300-302/
21. Вестник Европы, 1909, № 3, с.253.
22. См. письмо Тургенева к Л.Пичу от 16(28) января 1876. (см. выше: 16).

Т.М.Кривина.

Избранные страницы английской "тургенианы" 20-х - 30-х годов. (Вирджиния Вулф о русском писателе).

Англо-американский писатель Генри Джеймс назвал И.С.Тургенева "романистом романистов". В этом определении сошлись два смысла: "образец для подражания" и "элитарный автор", воспринимаемый в основном лишь литературной средой. И то и другое вполне адекватно отражает характер отношения к тургеневскому творчеству в Великобритании конца XIX - начала XX в.в. Примерно с 80-х годов Толстой и Достоевский стали пользоваться большей популярностью у английских читателей, чем автор "Записок охотника", с которых началось знакомство британцев с нашим земляком¹). В то же время такие разные писатели, как Уайльд, Гиссинг, Дж. Мур, Уэллс, Беннет, Голсуорси, Конрад, Вулф, чутко откликнулись на творчество Тургенева, при этом почти все, в той или иной мере, испытали на себе его влияние²). Из названных авторов лишь Мур несомненно встретился с русским писателем, беседовал с ним, а впоследствии часто вспоминал об этом значительном для него событии³). Вполне возможно, что с Тургеневым познакомился и Уайльд, но подробных сведений об этой встрече мы не имеем⁴).

Британская писательская "тургениана" конца XIX - начала XX веков - это статьи, эссе, дневниковые записи, письма. Одно из важных мест в ней принадлежит Вирджинии Вулф, писательнице модернистской ориентации, но весьма основательно связанной с традициями литературы XIX века⁵). Вулф была экспериментатором в сфере прозы: полагая, что основной задачей писателя является исследование "непознанных глубин психологии", она отстаивала импрессионистическую манеру письма и сама прибегала к приемам так называемого "потока сознания". Подлинно "духовным" романистом она считала мэтра европейского модернизма Дж.Джойса. Важную для художественной прозы "духовность" английская писательница обнаруживала в произведениях Толстого, Достоевского, Чехова и, что существенно, делала при этом акцент не столько на технике письма, сколько на нравственном содержании нашей литературы. "Во всех русских писателях, - замечала Вулф, - мы обнаруживаем черты святости, если сочувствие к чужим страданиям, любовь к ближним, стремление достичь цели, достойной самых строгих требований духа, составляют святость"⁶). В статье "Русская точка зрения" Вулф пишет о "простоте" и "гуманности" русской литературы, отмечая, что одним из главных ее действующих лиц является

"душа"⁷⁾. Однако в этой статье, как и в предыдущей, не упоминается И.С.Тургенев. К нему писательница обратилась в других работах.

В дневниковой записи от 16 августа 1933 года Вирджиния Вулф заметила, что, читая Тургенева, она задумывается над проблемами Формы (именно так, с большой буквы, написала она это слово)⁸⁾. Понимая, что перевод не может адекватно передать суть оригинала, его художественные особенности, писательница стремилась проникнуть в тургеневский текст, смело преодолевая языковой барьер. Возможно, в этом ей помогали попытки изучить русский язык. Но самую большую роль в постижении специфики тургеневской писательской манеры играла, скорее всего, ее собственная интуиция и тот факт, что тургеневская проза была близка ей по духу. Недаром некоторые западные исследователи утверждают, что со временем она все более явно ощущала это родство. Вполне реально и то, что между некоторыми ее произведениями и прозой русского автора есть определенное типологическое сходство⁹⁾. "Задумываясь над проблемами Формы", Вулф постигала духовное содержание творческого наследия Тургенева.

В 1921 году в "Times Literary Supplement" появилась рецензия "Беглый взгляд на Тургенева" английской писательницы на сборник рассказов Тургенева в переводе К.Гарнет. Уже тогда Вулф почувствовала эмоциональную глубину тургеневской прозы, угадала в Тургеневе великолепного стилиста и, прежде всего, мастера пейзажа¹⁰⁾. В 1927 году в "Nation and Athenaeum" была опубликована рецензия Вирджинии Вулф на книгу американского исследователя А.Ярмолинского о Тургеневе, вышедшую в свет в 1926 году¹¹⁾. Это был не столько комментарий к монографии, сколько собственные размышления писательницы о судьбе и творчестве Тургенева. Если замечания о его личной жизни не отличались оригинальностью и были весьма поверхностными, то характеристика его художественного метода была достаточно тонкой. Вулф говорила о суггестивном характере тургеневской прозы, подчеркивая, что эффект подтекста достигается в произведениях русского писателя благодаря многочисленным "малым штрихам", рассчитанным на работу читательского воображения. Ей импонировала объективность Тургенева, "не занимавшего много места в произведениях". Ей нравилось, что он не навязывает нам своего мнения и никогда "не попадает в ловушку догматизма". В ясности и краткости тургеневского слога Вулф обнаруживала огромный мир идей и эмоций¹²⁾.

Самым развернутым размышлением Вирджинии Вулф о Тургеневе стало эссе "Романы Тургенева", написанное в 1933 году и первоначально опубликованное в Америке. Впоследствии оно вошло в сборник "Смертное ложе капитана"¹³⁾. Эта работа имела отчасти

исследовательский характер: в ней цитируются тексты романов "Рудин", "Дворянское гнездо", "Накануне", "Дым", "Новь" (в английском переводе), приводятся выдержки из высказываний самого Тургенева (на французском языке), из высказываний других лиц (например, Гонкуров, Генри Джеймса) о нем. Работая над статьей, английская писательница, очевидно, обращалась к различным источникам, включая книгу И.Павловского "Воспоминания о Тургеневе"¹⁴).

Вулф обращает особое внимание на содержательную глубину и проблемную емкость тургеневских романов, на смысловую точность и выразительность языка Тургенева. Цитируя одно предложение из "Рудина" ("Волец вздрогнул и поднял голову, как будто его разбудили") и помещая его в контекст соответствующей описанной автором обстановки, Вулф показывает, как возникает эффект целостного художественного впечатления, когда сходятся воедино "речь, молчание, внешний облик вещей", образуя законченную картину. С присущей ей самой художественной гибкостью писательница отмечает, что Тургенев обладал потрясающей творческой интуицией, помогавшей ему через незначительную деталь раскрыть душевное состояние героя, порой входившее в противоречие с его декларациями, показать неоднозначность, противоречивость его характера. Так, она вспоминает "новое платье" Базарова, уложенное в саквояж таким образом, чтобы оно было у него под рукой, когда он окажется в доме Анны Сергеевны... Или размышляет о белых перчатках Соломина... Следует заметить, что не каждый русский читатель способен уловить такие нюансы.

"Чтобы достичь подобной сложной простоты, - пишет Вулф, - Тургенев предварительно проходит трудный путь борьбы со всем ненужным, лишним". Вот почему его романы, "небольшие по объему, содержат в себе так много"¹⁵).

Одним из достоинств русского автора Вулф считает "редкий дар равновесия", благодаря которому он создает "обобщенную, гармонизированную картину жизни"¹⁶). Она увидела в романах Тургенева прежде всего эмоциональную цельность, нашедшую свое отражение и в структуре, и в содержании произведений. Возможно, английская писательница несколько приуменьшала роль фабулы и отдельного героя в них (усмотрев исключение лишь в Базарове и Харлове как особо ярких индивидуальностях), но ее рассуждения о том, что собственно развитие событий - не самое важное в тургеневских романах, заслуживают внимания.

Вирджиния Вулф уловила одну из самых характерных черт писательской манеры Тургенева: авторскую объективность, дающую читателю возможность увидеть одно и то же явление с различных точек зрения. Это касается и политической жизни России. Англий-

ская писательница почувствовала, что находившийся вдали от своей родины Тургенев душевно был с нею связан, и его глубоко волновала судьба его соотечественников. В то же время, прочитав романы "Дым" и "Новь", она поняла, что ко многим российским общественно-политическим тенденциям Тургенев относится с иронией, сохраняя по отношению к ним позицию "отстранения". В тот период, когда в нашей филологической науке возобладал социологизированный и идеологизированный подход к творчеству писателя, Вирджиния Вулф посчитала благом то, что Тургенев не был "рупором" каких бы то ни было политических идей. Завершая свое эссе, она замечает, что романы нашего великого земляка в значительной степени принадлежат новому времени: "... они не ограничены пристрастными эмоциями, а потому не стали явлением локального и преходящего значения. Человек, говорящий в них, не громогласный пророк, а провидец, стремящийся многое понять"¹⁷). Не скрывая того, что в произведениях русского автора она видит и слабые стороны (рыхлость композиции, излишнюю сентиментальность), для нее мир тургеневской прозы - это "обитель красоты", сотворенной художником, отдавшим лучшую часть себя, самые глубокие свои чувства литературному творчеству. В этой оценке Вулф, сходилась с "писателями-материалистами", отвергаемыми ею - Уэлсом, Беннетом, Голсуорси - и другими британскими авторами. И все же среди западных читателей искусства Тургенева Вулф занимает, пожалуй, одно из самых достойных мест, а ее статьи о нашем соотечественнике - возможно, самые тонкие и изящные страницы европейской "тургенианы".

Примечания

1. О восприятии "Записок охотника" в Европе подробно рассказал в свое время М.П.Алексеев. См.: М.П.Алексеев. Мировое значение "Записок охотника" // Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989.
2. О восприятии творчества Тургенева в литературной среде Великобритании писали: P.Waddington, R.A.Gettman, G.Phelps, P.Coustillas, А.Елистратова, М.Алексеев, Д.Жантиева, М.Воропаева, В.Шейнкер, Т.Бабак и др.
3. О встрече с Тургеневым Дж.Мур писал в статье, опубликованной в 1888г. Впоследствии она была помещена в сборник "Впечатления и мнения" (1891г.): G.Moore. Turgueneff // Impressions and Opinions. NY, 1891.

4. О возможности этой встречи говорит в своей книге новозеландский исследователь П.Уоддингтон: P.Waddington. *Turgenev and England*. London, 1980. P.263.
5. О связи Вулф с традицией, с классической литературой пишет Е.Гениева в предисловии к книге: Virginia Woolf. *Mrs.Dalloway and Essays*. М., 1984.
6. Там же. С. 280.
7. Там же. С. 282-288. Пер. К.Атаровой.
8. V.Woolf. *The Diary*. Vol.4. 1931-1935. London, 1982.
9. Об этом писали Р.А.Гетман, Г.Фелпс: R.A.Gettman. *Turgenev in England and America*. Urbana, 1941. G.Phelps. *The Rusien Novel in English Fiction*. London, 1956.
10. V.Woolf. *Books and Portraits*. London, 1977. P. 130.
11. A.Yarmolinsky. *Turgenev: The Man, His Art and His Age*. NY-L., 1926.
12. *Books and Portraits*. P.p. 132-133.
13. Русский перевод эссе сделан Н.И.Бушмановой. См.: Вопросы литературы. 1983, № 11. В данной работе эссе В.Вулф цитируется по названной выше книге (см. сноску 5) в пер. автора работы.
14. См. комментарии Е.Гениевой в назв. книге. С. 370.
15. V.Woolf. *The Novels of Turgenev // Mrs. Dalloway and Essays*. P. 245.
16. *Ibid*. P. 247.
17. *Ibid*. P. 250.

Н.А.Куделько.

Тургеневские мотивы в современной русской прозе (Б.Екимов).
Опыт сравнительно-типологического анализа.

Известно, какую огромную роль сыграли "Записки охотника" И.С.Тургенева с их "хоровой народной судьбою" (Ю.Лебедев) в истории русской литературы XIX и XX веков. Тем не менее, проблема "тургеневское в "деревенской" прозе 60-90-х годов XX века» остается недостаточно изученной. Так, очевидным кажется влияние "Записок охотника" на творчество современного писателя Бориса Екимова, но влияние это не изучено. Нами делается попытка сопоставительного анализа типологии народных характеров в "Записках охотника" и рассказах Б.Екимова.

Основная тема произведений волгоградского прозаика Б.П.Екимова (род. В 1938г.) - тема южной русской деревни, хуторов и станиц степного Задонья. Герои Екимова - крестьяне, мастеровые, труженики, люди от земли, "крепко", ладно на ней живущие, практики, но есть в них и созерцательное, поэтическое, романтическое начало, способность чувствовать красоту. Эти два начала в екимовских героях сливаются.

Характерной для его прозы оказывается незатейливая история о мужике Тимофее, в саду которого зацвел розовый куст ("Розовый куст"). Куст "светил, словно играла на нем молодая утренняя заря. Играла и не гасла" ¹⁾. Работая, весь день Тимофей "думал о всяком, а розовый куст виделся. И хорошо как-то думалось, спокойно, легко" (251). И на следующий день, перетаскивая в сарай привезенный уголь, он чувствует, что куст словно притягивает к себе красотой, нежным запахом. "Цветущий куст нынче стал и вовсе красив, он словно облился весь алостью, сверху донизу. На зеленой листве, в тени цветы нежно пунцовели в каплях росы, а сверху горели рдяным огнем, источая чуть слышный запах. Отдыхая, Тимофей присаживался подле цветущего куста. Курить не хотелось. Он шумно вздыхал, ловил тонкий цветочный дух, глядел на розы, и щурились глаза в улыбке ли, в усмешке над собой. Ведь сроду цветов не любил, мужик" (252). Используемые при описании синонимы-олицетворения передают оттенки "алости": цветы "нежно пунцовели", "горели рдяным огнем". Чуть ниже в тексте образ-сравнение цветов и огня развивается, романтически преувеличивая изображаемое; "... не хотелось уходить со двора, с воли, от розового куста, который во дне разгорался все ярче и ярче и, казалось, вот-вот должен был вспыхнуть высоким алым костром. И сгореть. Но он не горел. А просто цвел" (253).

Красота цветущего розового куста имеет в рассказе этическую оценку, когда Тимофей, избегая конфликта в сберкассе, уступает кассиру и чувствует: "Не хотелось сегодня ругани, не принимала душа" ((251). Именно в этот день Тимофей решает забрать в свой дом одиноко живущую тещу: "нечего одной мыкаться", как-то отступили все старые обиды, стали неважными.

Эстетическая ситуация наполняется у Екимова и этическим, и в финале рассказа философским смыслом: "Алый куст распускал за розой розу. И вокруг было покойно, небо синее из края в край. Долго глядеть на него - кружилась голова. От розового куста наносило сладким духом. Подольше бы цвел. Но и когда отцветет, останется зелень, небо, покой" (254). Тишина, лад, гармония с миром царят здесь. Светлое мироощущение характерно и для героев-романтиков Тургенева - Калиныча, Касьяна, Лукерьи...

В центре рассказа "Гнездо поручейника" - Чапурин, герой целого ряда произведений Екимова, управляющий отделением, серьезный, умный, деловой человек, влюбленный в свою землю, созерцатель и романтик в то же время. Важнейшую характерологическую роль в рассказе играет пейзаж, по содержанию пейзаж-впечатление.

В рассказе создана эстетическая ситуация общения с природой. В весеннее воскресенье Чапурин отправляется в сад поработать: "Вечернее солнце греет, покой. Доцветает смородина, купаясь в сладко приторном духе, и гудят шмели. [...] И допоздна, до заката, пчелы гудят в чашах цветов и возле. Белое дерево поет будто живое. Весенняя благодать. Чапурин глядел в сторону сада и словно был уже там, в тихом гуле гудящих шмелей и пчел"²⁾. Без любования окружающим существование Чапурина невозможно

Создавая в рассказе "Проснется день" новый социальный тип, тип крестьянина-фермера [Пономаря], Б.Екимов и его, старого Пономаря, поставит в эстетическую ситуацию общения с миром природы и народного искусства.

Композиционно рассказ - повествование об одном дне жизни на хуторе. Неторопливо течение обычного январского дня. Степной простор вокруг хутора, где живут три человека, придает рассказу особое широкое "дыхание". Этот простор, неторопливость, слаженность жизни чувствует и семилетний внук Пономаря. Утро погожее, светит солнце, а впереди - дорога на большой хутор... Чем не жизнь. И как не запеть:

Проснется день красы моей,
Зарей раскрашен свет...

Это песня деда, любимая, тот ее не часто поет"³⁾. И мальчик сочиняет свою о радости и чудесах... В рассказе наблюдается эстетизация хуторского быта: и в том, что обитателям птичьего двора

даются личные имена, и в эпически звучащей фразе "Черная рать на белом снегу", и в пейзажах, широко, просторно "дышащих", и в настроении внука, и в пении старого Пономаря... То, что Пономарь умелый гармонист, то, как он самозабвенно поет старинную песню "Отцовский дом спокинул я...", - важнейшая характерологическая деталь, наряду с умением Пономаря "обустроить" свое хозяйство, свой хутор, с его уверенностью в том, что люди непременно вернуться к земле, к "спокинутым" отцовским домам, как вернулся он сам.

Герои названных рассказов Екимова - Тимофей, Чапурин, Пономарь - по сути своей и практики, и романтики; типологически эти образы восходят к тургеневским Хорю и Калинычу.

В желании постигнуть основы народного бытия, национально-го характера писатель обращается к образу праведника в женском облике, к традиции "Живых мощей". В рассказах "Привет издалека", "Ночь исцеления", "Последняя хата", "Похороны" Б.Екимов создает тип пожилой женщины, облик которой источает "тихий свет" доброты, мудрости и святости: "Есть в облике старого человека своя, несравненная прелесть, которая детской сродни. Худоба лица, хрупкость, седых волос серебряное сиянье. Тихий свет угасающих глаз. Все словно вечер дня дорожного, уходящего" ("Дальние родственники"⁴).

Рисуя в рассказе "Возвращение" образ бабы Надежи (она и есть "надежа"), Б.Екимов назовет ее "живые мощи". Цитата ли это из Тургенева? Или точная характеристика внешности героини? Так или иначе, но можно говорить об общем в облике Лукерьи и Надежи. Общее обнаруживается и во внешности, и в нравственной их сущности. "Для всех" - вся жизнь Надежи. Часто живет у нее девочка, дальняя родня, приходит, когда родители запивают. "Моя хорошая", - зовет ее баба Надежа. Девочка тихая, старательная, рисует хорошо: "На картинках - цветы, нарядные дома, а еще - простое зверье, кошки да собаки, со странными, все понимающими глазами. На серых стенах хатенки рисунки глядятся хорошо"⁵). Эти рисунки да старинные иконы - все богатство Надежиной "хатенки". Случилось несчастье: украли иконы, баба Надежа слегла... Просит она девочку: нарисуй... Испугалась та... И происходит чудо: привиделся девочке лик женщины... Проступает лик сквозь древесные волокна обыкновенных кухонных досок. "Он проступал все отчетливей: мягкий рисунок лица, складки большого платка, лица обрамляющего, выпростанные из платка руки, бережно держащие спеленутого младенца". Нарисовала девочка Богородицу... А бабушка вернулась к жизни, очнувшись, увидела глаза... "Глаза, светлый лик... Возле них жизнь прожила. Глядела со стены Богородица. В ее глазах - нежность, страдание и раздумье. И радость возвращения"⁶).

Несомненна внутренняя близость образов тургеневской Лукерьи и Надежи. Героинь-праведниц отличает стойкость, доброта бесконечная, неувядаемая радость жизни и вера в бога, естественная, простодушная, поэтому и чудо свершается: Лукерья, уходя из жизни, слышит "колокольный звон, хотя от Александровки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничным", а в дом Надежи возвращается радость, светлый лик Богородицы, нарисованный детской рукой...

В прозе Б.Екимова сильна лирическая стихия, большое место занимает бессюжетное начало, все более характерным становится жанр миниатюры, близкий стихотворению в прозе. Таковы миниатюры, входящие в новомировскую подборку (1998 - № 3) под названием "Житейские истории" или лирические зарисовки "Цветение садов" на тему "собираение трав для чая" с благословенной, очень важной для Б.Екимова мыслью: "Спасибо за нынешний день. Солнцу, высокому небу, горячему ветру и травам: живым, что в цвету, и мертвым, сухим, чей дух кружит голову"⁷⁾. В структуре екимовской прозы велика роль образа рассказчика, его вездесущий взгляд, глубокое знание жизни и людей, его земляков, но он и романтик, созерцатель. Эта традиция, восходящая к образу повествователя в "Записках охотника", к структуре рассказа, созданного И.Тургеневым.

Наблюдения показывают, что творчество Б.П.Екимова принадлежит к линии лирико-поэтической, романтической, представленной в русской литературе XX века именами Б.Зайцева, М.Пришвина, К. Паустовского, Ю.Казакова, В.Солоухина, к линии, восходящей к традиции И.С.Тургенева, реализм которого был обогащен романтическими чертами.

Примечания

1. Екимов Б.П. Розовый куст // Екимов Б.П. Ночь исцеления. Рассказы, повести.-М.:Сов. Писатель, 1986.-С.250. Далее ссылки на это издание в тексте.
2. Наш современник.-1991.-№ 3.-С.36.
3. Там же. С.75.
4. Наш современник.-1992.-№ 1.-С.104.
5. Новый мир.-1998.-№ 10.-С.104.
6. Там же. С.110.
7. Наш современник.-1994.-№ 3.-С.25.

P.S. Когда статья уже была сдана в номер, пришло письмо от Б.П.Якимова, в котором он пишет: «... [я] твёрдо уверен: влияние Тургенева (как и Толстого, Чехова) на всякого пишущего сродни

“влиянию” воды, солнца, травы на жизнь человека. Естественное влияние. И потому незаметное”.

[Н.К.]

III

По тургеневским местам

С.Л.Жидкова.

“Дело <...> предать забвению”.

Хороша старина... ну, да и бог с ней!
И.С.Тургенев. Старые портреты.

В архивном фонде Мценского уездного суда хранятся документы 18 века, едва обратившие на себя внимание исследователей¹. Среди них

«Дело

По сообщению Мценского духовного правления
в бое бригадиром Алексеем и майором Иваном
Лутовиновыми попа Петра Иванова». [ГАОО, ф.43, д.137]

Время действия представляемого события 1778 год. Как мы знаем из работ Н.М.Чернова, именно в этом году младшие братья деда Тургенева, Петра Ивановича Лутовинова, вышли в отставку, Алексей – в чине бригадира, а Иван – секунд-майора, и поселились во Мценском уезде. Вскоре Иван Иванович Лутовинов стал мценским уездным судьей.

Мы публикуем три документа из этого дела, являющие собой яркий пример тогдашнего судопроизводства. Известно, как интересовали Тургенева подобного рода бумаги. Вполне вероятно, что писатель читал доношение и челобитную своих предков, которые мы приведем ниже. Эти документы не только наглядно подтверждают всем известное “удальство и самоуправство” Лутовиновых, но и являются свидетельством их святотатственного отношения к вере и церкви; речь в них идет о расправе помещиков над лицом духовным, бедным приходским священником.

Мы нашли необходимым при публикации использовать современную орфографию и пунктуацию.

Великому Господину Преосвященнейшему Амвросию, Епископу Севскому и Брянскому, изо Мценского духовного правления

Доношение.

Сего 1778 года августа 28 дня во Мценское духовное правление Мценского прежде, а ныне Чернского уезда Сатыевского стану священник Петр Иванов словесною жалобой представлял:

того же августа 24 дня литургисал он, священник, и был зван прихода своего в деревню Круговую однодворцем Алексеем Трофимовым сыном Черемисиновым для исповеди и святого причастия детей его, Черемисинова, лежащих в болезни в доме его, состоящем в показанной деревне Круговой;

чего для он, священник, взяв святые дары с дароносицею, пошел было в ту деревню Круговую, и, не отшед от своего двора более как полверсты, увидел он, священник, впереди себя едущих верховыми лошадьми Мценского уезду помещиков: бригадира Алексея да секунд-майора Ивана Ивановых детей Лутовиновых с бывшими при них на верховых же лошадях пятью человек;

из которых господин бригадир Алексей Иванов приказал, а секунд-майор Иван скочил с лошади и начали его, священника, бить, и не удовольствуясь, они, Лутовиновы, таковым боем приказали его, священника, обнаготить;

по которому их приказанию бывшие с ними люди, скинув с него, священника, полукафтаны и заворотя рубашку на голову, секли езжалыми и кнутьями по голому телу, майор Иван Иванов из своих рук да человек их Иван же Иванов, а прочие их люди держали, бригадир же Алексей Иванов велел бить его, священника, до смерти и выговаривал людям своим, чтоб его, священника, приколоть;

от которых побоев он, священник, с того места, на котором они, бив, оставили, и подняться не мог, а наехал на него одного ж села Богоявленского церковник Илья Матвеев и, подняв его с того места, привез его, священника, в дом его;

бывшая при нем дароносица со святыми дарами вышеписанными нападшими людьми незнаемо куда утрачена;

и о всем вышеписанном представляя, просил о осмотре и описании имеющихся на нем боевых знаков и о учинении ему, священнику, защищения;

которую просьбу Мценское духовное правление слушав, определило: имеющиеся на нем, священнике, боевые знаки, осмотрев, описать и приказать ему, священнику, для такого же осмотра и описания, яко те побои и утрачение дароносицы причинены от людей светской команды, явиться во Мценскую воеводскую канцелярию и подать явочную челобитную.

По осмотре же вышеписанным духовным правлением на нем, священнике, боевых знаков явилось: спина от лопаток до пояса избита и, как можно приметить, плетью, что значут частые рубцы сине-багровые, а местами и до крови просеченные, и седалище избито, с синею опухолью и багровыми рубцами. <...>

Как видим, речь идет не только о зверском избиении священника, но и о кощунстве над тем, что составляет основу церковной жизни – святыми дарами, т.е. плотью и кровью Христовой. Поэтому один из обидчиков, а именно, Алексей Иванович Лутовинов берется лично отвечать на столь серьезное обвинение. Его “доношение” представляет собой образчик лицемерного красноречия и не лишено литературных достоинств.

Его Преосвященству Амвросию, епископу Севскому и Брянскому, от бригадира Алексея Иванова сына Лутовинова

покорнейшее доношение

В бытность мою в деревне своей Чернского уезда Сатыевского стану, называемой Слободке, минувшего августа 24 числа сего 1778 года ездил я, именованный, с братом моим родным, секунд-майором Иваном Ивановым сыном Лутовиновым, для осмотра принадлежащих к помянутой деревне общих наших земель;

в чем упражняясь, останавливались мы многократно, разговаривали и толковали о старинной писцовой меже, и урочищах, и затесях, самым в поле запоздали;

и как уже начало смеркаться, то усмотрел я следовавшего за нами не дорогой, но полем, человека, который, видно что нарочно ходя, прислушивал и подмечал за нами;

по приближении ж его узнал я, что то вышеписанного уезду церкви Богоявления Господня священник Петр Иванов;

одет в одном только коротком сермяжном кафтане и подпоясан;

которое одеяние, равно и ходьба его одного в поле в такое позднее время показывали подозрительным, сверх того несколько и пьян;

откуда ж и зачем он идет, на вопросы мои с великим невежеством отвечал, что он был у госпожи Сухотиной, и потом многими грубыми своими, досадительными и бранными словами до того довел, что в горячности по приказу моему один из имеющихся при мне служителей ударил его, попа, раз до пятнадцати езжалой плетью, и, оставив, поехали мы с вышеписанным братом моим и людьми нашими в дом свой;

спустя ж после того несколько дней и по отъезде уже моем для домовою надобности в Ефремовские деревни и в другие места, уведомился я, что помянутый священник Петр Иванов подал во Мценскую воеводскую канцелярию явочное челобитье и во Мценское духовное правление доношение, в котором оклеветал он к

бесславию и повреждению чести меня, именованного, тако ж и брата моего родного, секунд-майора Ивана Иванова сына Лутовинова;

будто мы, незнаемо за что и без всякой причины, напад на него, священника, на дороге, били и секли и будто имевшуюся на нем дароносицу со святыми дарами утратили, чего совсем не бывало;

и понеже вышеупомянутый священник Петр Иванов находится ныне здесь, у Вашего Преосвященства, для некоторого духовного дела, того ради Вашего Преосвященства покорнейше прошу, против сего моего доношения во оклеветании меня с братом моим родным, как выше значит, безвинно, особливо в утрачении дароносицы со святыми дарами, его, священника Петра, допросить и, во исполнение всемилостивейшего узаконения премудрая монархини нашей, кротким по духовенству увещанием довести до истинного признания, кто именно к таковому злоумышленному оклеветанию его, священника, подучил, или по какой злобе сам он то выдумал;

для скорейшего ж изыскания справедливости о толь важном деле можно через нарочно посланных от Вашего Преосвященства духовных чинов имеющиеся при означенной церкви подлежащие до священнодействия вещи все осмотреть и притом священно и церковно служителей, коих при оной церкви находится более десяти человек, спросить, все ли оные вещи налицо, или из них некоторые утрачены, какие именно и каким образом;

и о сем моем доношении милостивое рассмотрение учинить.

Ноября 2 дня 1778.

Доношение писал я, бригадир Алексей Иванов сын Лутовинов, своей рукой и руку приложил.

А.И.Лутовинов применяет тактику нападения, которая, как известно, есть лучший вид обороны. Это он обижен и оклеветан, это он требует справедливости. Мысль о его полной невинности внушается разнообразными средствами: здесь описание мирного сельского пейзажа, идиллической прогулки для осмотра вотчинных земель (стоит время жатвы), самые образы помещиков, беседующих о насущных хозяйственных делах – все призвано внушить мысль о невозможности чудовищной расправы, описанной в челобитной священника. Священник же в описании А.И.Лутовинова выглядит существом подозрительным и даже опасным. С полным сознанием человека, имеющего власть и деньги, А.И.Лутовинов позволяет себе настоятельно советовать архиерею, как вести дознание в дальнейшем. Кстати приходится здесь и упоминание о премудрости императрицы, способное смутить и самого архиерея. И.С.Тургенев мог

бы назвать автора этого документа степным Тартюфом или Тартюфом Мценского уезда.

Третий документ, поданный во Мценский уездный суд через четыре с лишним года, а именно, 31 января 1783 года, производит особенно гнетущее впечатление. Совершенно очевидно, что написан он по приказу и при участии Ивана Ивановича Лутовинова, достигшего к тому времени высот крючкотворства, и также очевидно, что священника Петра Иванова подписать документ принудили.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня
императрица Екатерина Алексевна, самодержица
всероссийская, государыня всемилостивейшая

Бьют челом мценские помещики: бригадир Алексей, секунд-майор Иван Ивановы, дети Лутовиновы, да Чернской округи села Богоявленского ведомства Мценского духовного правления священник Петр Иванов, а о чем наше челобитье, тому следуют пункты:

1.

Имеется во Мценском уездном суде присланное из Мценского ж духовного правления, начавшееся во оном по поданным от меня, священника Иванова, прошениям в бою меня оными Лутовиновыми и якобы в отбитии у меня дароносицы, дело! Для решения по законам. Но оное еще не решено.

2.

Отныне мы, Лутовиновы, и я, священник, поговоря меж себя полюбовно и исполняя долг любви христианской, помирились;

и что он, священник, на нас, Лутовиновых, напрасно показывал, якобы в отбитии дароносицы, а я, священник, якобы они меня били, друг на друга впредь в том не челобитчики и не истцы.

И дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие наше челобитье во Мценском уездном суде приняв, записать, а вышесказанное дело, производством оставив, предать забвению и о том учинить, как вашего императорского величества законы повелевают.

Всемилоостивейшая государыня, просим вашего императорского величества о сем нашем челобитье решение учинить.

К поданию надлежит во Мценском уездном суде.

Челобитную писал дому бригадирши Мавры Ивановны Лутовиновой служитель ее Антип Жемчужников.

Бригадир Алексей Лутовинов руку приложил.

Секунд-майор Иван Лутовинов руку приложил.

Села Богоявленского священник Петр Иванов руку приложил.

Так закончилось расследование челобитной священника Петра Иванова.

Примечание

1. Б.Богданов. Спасское-Лутовиново. Государственный музей-усадьба И.С.Тургенева. Путеводитель. Приокское книжное издательство, Тула, 1977. С.9.

Р.М.Алексина

Городские усадьбы В.П.Тургеневой (Орел, Мценск).

Исследуя вопрос о городских усадьбах В.П.Тургеневой, важно помнить следующие записи в ее записной книжке:

На с.3. «1816-го года 4 ноября в 5 часов с четвертью пополудни родился сын Николай, ростом 12-ти вершков в Орле в доме Петра Михайловича Каменского – в субботу».

На с.7. «1818-го года 28 октября – в понедельник – родился сын Иван ростом 12-ти вершков в Орле в своем доме в 12-ть часов утра».

На с.9. «1821-го года 16 марта родился сын Сергей ростом 11 ½ вершков в Орле в своем доме в 5 часов утра».

Перед нами стоит задача – определить адреса домов, принадлежавших В.П.Тургеневой в Орле и Мценске (у С.Н.Тургенева к моменту его женитьбы городских усадеб не было ни во Мценске, ни в Орле).

После смерти дяди Лутовинова Варвара Петровна становится богатой помещицей. Она единственная наследница И.И.Лутовинова, вышедшего в отставку в чине секунд-майора ок. 1775г.

С 1795 по 1801 г.г. он является предводителем дворянства Чернского уезда Тульской губернии. Остальное время – мценским уездным судьей. По служебным делам бывает во Мценске, приезжает в Орел. И во Мценске, и в Орле у него были свои заботы; вспомним, что, приехав из Орла, он скоропостижно умирает в своем доме во Мценске. О наличии же дома в Орле свидетельствует сохранившийся «Список жителей 3-й части Орла, имеющих свои дома и земельные участки», где под № 54 значится имя «Ивана Иванова сына Лутовинова», секунд-майора. Судьба этой усадьбы неизвестна. Вероятно, она размещалась в приходе Георгиевской (Сретенской) церкви, или на «Бодискиной горе» (в эпоху Екатерины II в 3-й части города появились первые жители).

Во Мценске усадьба с каменным домом И.И.Лутовинова размещалась рядом с присутственными местами, в 4-ом квартале, на Старо-Московской улице (ныне ул. Ленина, 6). Усадьба не сохранилась, но сохранилась «Купчая» за 1820 г. на ее продажу купцам Н.П. и В.П.Шераповым. Дом был каменный, с двором и огородным местом и соседствовал с одной стороны – с Каменным корпусом, с другой, через переулок, – с домом помещика Н.И.Шеншина. В дальнейшем, «для приезда» В.П.Тургенева наняла «домик у вдовицы», о чем сообщала в Берлин сыну Ивану.

В Орле же Варвара Петровна, получив состояние, сразу купила себе усадьбу у своих мценских соседей, а именно у коллежской ассессорши Александры Петровны Глазуновой. В «Купчей» Мценского уездного суда за № 156 от 19 сентября 1814 речь идет о «деревянного строения доме», «состоящем в городе Орле на Дворянской улице», «на каменном фундаменте, с принадлежащим к оному строению, имеющимся под оным дворовым и огородным местом, плодovitым садом...»

Можно полагать, что в этой усадьбе В.П.Лутовинова провела «светский сезон» - зиму 1814-1815 г.г.; тогда, по слухам, могла бы состояться ее свадьба с П.М.Каменским (Менкасским)... Потом ей почему-то не захотелось жить в этой усадьбе. Судя по вероисповедальной книге Кафедрального Борисо-Глебского собора в ней жили, а в церкви исповедовались на 1816-й год: «помещицы Варвары Петровны Лутовиновой люди: Василий Степанов – 55 лет, вдова Пелагея Ильина, Васа Степанова – 24 лет».

Усадьба эта располагалась в 11-м квартале 3-й части города (после 1850г. - №18), у перекрестка улиц Георгиевской (ныне Тургеневской) и Дворянской (ныне ул. Салтыкова-Щедрина). Адрес подтверждает находка литературоведа В.Н.Громова «Дело о сгоревшем доме госпожи Тургеневой» в Государственном архиве Орловской области. Дело начато в 1829г. по заявлению Н.Н.Тургенева и по доверенности Варвары Петровны. Усадьба состояла в аренде Губернской удельной конторы, ведавшей императорскими удельными имениями. Тогда сгорел главный дом, оставив в заднем конце только три стены из круглого соснового материала. В своей статье («Просторы России», 1994г., № 33) В.А.Громов вновь опубликовал не сохранившуюся в орловском архиве «запись» воспоминаний бывшего крепостного Тургеневых, который видел пожар, когда ему было «около 10 лет» - И.В.Полякова. Из этой записи мы узнаем об усадьбе дополнительные сведения: дом был двухэтажный, после пожара сохранились два гостиных флигеля, людская и некоторые хозяйственные постройки. Автор воспоминаний, а вслед за ним и В.А.Громов, считали, что речь идет о доме, в котором родился писатель... За сгоревшую усадьбу Варвара Петровна получила неустойку. «Место» осталось за казной. В наши дни здесь располагается здание областной милиции г.Орла.

В конце 1815-го года, когда был окончательно решен вопрос о свадьбе В.П.Лутовиновой и С.Н.Тургенева, Варвара Петровна покупает себе усадьбу у тех же владельцев Глазуновых. Дом, флигеля, службы подвергаются ремонту, благоустройству на вкус хозяйки. За сохранностью усадьбы наблюдают доверенные люди: «Алексей Григорьев – 52 лет, жена его Глафира – 35 лет, у них дети: Василий

– 8 лет, Агриппина – 5 лет, Дарья – 5 лет»; они исповедуются в Борисо-Глебской церкви. Обратим внимание, что Василию в 1816 году было 8 лет (следовательно, в год рождения писателя ему было 10 лет). В 1851 году И.С.Тургенев отпускает его на волю с детьми. Среди его детей был сын Иван; предполагаем, что эта семья имела фамилию Поляковых, и что запись о пожаре усадьбы была сделана Иваном Васильевичем Поляковым, когда ему было 75 лет. Отсюда некоторые неточности в его воспоминаниях.

Вероятно, ожидая окончания ремонта в собственной усадьбе, Варвара Пётровна поселилась в доме арендованном у П.М.Каменского (носившего сначала фамилию Менкасского), незаконнорожденного сына фельдмаршала М.Ф.Каменского. Адрес Каменского до сих пор не было известно: знали только, что его усадьба относилась к приходу Сретенской церкви в Орле. Адрес усадьбы помогают определить два недатированных плана усадеб Авдотьи Петровны Зубковой, оказавшейся впоследствии владелицей усадьбы П.М.Каменского. На плане середины 1830-х г.г. обозначена усадьба с каменным домом на углу Болховской улицы и Георгиевского переулка. Обозначены флигели и дворовые деревянные постройки, регулярный сад. Этот каменный дом, арендованный В.П.Тургеневой в 1816г. у П.М.Менкасского, стал местом рождения ее первенца. Позднее этот дом и построенный Зубковой флигель перейдут во владение купчихи Иордан. Они будут перестроены под гостиницу, в которой, приезжая в Орел, останавливались И.С.Тургенев, П.И.Якушкин и другие именитые люди.

Сезон светских балов 1816-1817 г.г. В.П.Тургенева жила в доме П.М.Каменского. Возможно, что переезд в собственный дом на Борисо-Глебской улице принес ей много волнений, поэтому она в сентябре 1817-го «выкинула двух месяцев ребенка». Её муж служит в Петербурге, приезжает в Спасское и Орел в свои отпуска. В середине октября 1818г. он в Орле... Сохранившаяся «Дарственная» даёт сведения о покупке усадьбы, в которой в это время Варвара Петровна жила. Дарение произошло за месяц и 10 дней до рождения сына Ивана! Во 2-й Книге Орловской Палаты Гражданского суда на записку купчих крепостей, Государственных записей и духовных завещаний за 1818г. на листе 198 есть запись: «Лета тысяча восемьсот осьмого на десять октября в девятнадцатый день жена гвардии ротмистра Сергея Николаевича сына Тургенева Варвара Петрова дочь подарила я тому мужу моему благоприобретенный мой деревянный дом с местом, садом, флигелями и всякого рода строениями, доставшийся мне от Коллежского секретаря Андрея Андреевича сына Глазунова по купчей крепости, состоящий в г. Орле в третьей части в приходе Бориса и Глеба. Места же меры под оным домом ширины

осмнадцать, а длины пятьдесят сажень. <...> К сей записке Кавалергардского полка ротмистр Сергей Николаев сын Тургенев руку приложил». Следовательно, отец будущего писателя сам присутствовал при сделке.

Вполне вероятно, что этот дом был двухэтажным, как и тот, в котором в это время размещалась Удельная контора – она хорошо просматривалась из окон новой усадьбы Тургеневых. Сергей Николаевич, вероятно, присутствовал при рождении второго сына и его крещении.

Судя по записи В.П.Тургеневой о рождении сына Сергея, Тургеневы жили в доме на Борисо-Глебской и в 1821 году.

С октября 1819 г. по 20 февраля 1821 г. С.Н.Тургенев находится на службе в Орле. С 20-го февраля 1821 г. он уходит в отставку в чине полковника « по домашним обстоятельствам». В 1824г. утверждается раздел между сыновьями Н.А.Тургенева, который обязывает их выплачивать ему с супругой каждому из сыновей по 1 тысяче рублей и по «Реестру» продукты из имений. Видимо, Сергею Николаевичу это было нелегко. В мае 1822г. он дарит своему отцу один из флигелей орловской усадьбы. Лицевой фасад флигеля выходил на Георгиевскую улицу. В нем можно было жить, не завися от семьи сына. Он занимал почти половину земельной площади всей усадьбы, «деревянного строения флигель с лежащею под оным, как и находящимися при нем всякого рода строением, двором, землею». Таким образом, с 1822г. усадьба разделена на два владения.

В 1823 г. Н.А.Тургенев отдает в залог свою усадьбу в Орле за 3.500 руб. сроком выплаты на 1 год. Но ни процентов, ни долга выплачено не было. Из «Залоговой» мы узнаем, что владение Н.А.Тургенева на Георгиевской (ныне Тургеневской) улице имело 20 сажень, а в глубину – семнадцать сажень.

2 мая 1827г. С.Н.Тургенев выкупает у отца свой «подарок», а Варвара Петровна, как видно, дала деньги для этого выкупа с условием, что снова станет владелицей основной части усадьбы.

Начиная с 1822 г., Тургеневы подолгу в Орле не живут. Бывают наездами.

Городская усадьба сдается в аренду. Для приезда владельцев оставляется один из флигелей. В «Реестре» о сборе с домов поземельной ренты на 1836 год продолжает значиться имя С.Н.Тургенева (видимо, в его наследство Варвара Петровна еще не введена). За усадьбой следят дворовые люди. Их имена сообщает Вероисповедальная книга Борисо-Глебского собора: в 1847 г. под № 57 значится «вдовы помещицы Варвары Петровны Тургеневой дворник Николай Петров – 79 лет». С 1845 г. – «Дворник Анисим Кононов, жена его Васа Иванова – 50 лет. Дети их: Варвара – 18 лет,

Павел – 13 лет, Анна – 9 лет». С 1848 г. – «Дворник Леон Алексеев Козлов – 40 (?) лет, жена его Катерина Николаева – 35 лет, дети их: Николай – 13 лет, Яков – 12 лет, Наталья – 7 лет, Екатерина – 5 лет».

В 1850г. в Орле случился пожар, уничтоживший несколько кварталов в 3-й части города. Усадьба Тургеневых сгорает полностью. «Пустопорожнее» от застройки место досталось старшему сыну Николаю, который в наследство вводиться не стал.

После пожара были составлены «Сведения об имуществе и домах, сгоревших 16 и 17 июня 1850 года в Орле», где под № 1 обозначено: «Орловская помещица Тургенева. Деревянный дом с флигелями, каретный сарай, кухни, конюшни, ледник и прочее надворное строение. Всего на сумму серебром 2000 рублей. Дом застрахован не был. Квартиранты: Коллежский Ассессор Копьев, 9 класса Докучаев». Видимо, Докучаев занимал большой господский дом. Вещей Варвары Петровны не обозначено.

В 1860г. место «Тургеневых» поступает в аукцион. На торгах за него «высшее перед прочими» – 18 р. 50 коп. - дает дьякон Троицкой церкви И.Мещерский; после его смерти земля переходит его матери, затем – сыну, священнику той же церкви... Переходя из рук в руки, участок подымался в цене. В 1865г. здесь начинает строить дом коллежская ассессорша Н.Г.Орехова. В 1868 г. она продает его недостроенным за 1000 рублей. К этому времени бывший тургневский участок раздроблен уже на три части. Основную часть покупает мещанка П.Н.Полунина. 28 февраля 1879 г. новый владелец Ф.П.Соковнин, бывший мировой судья, утверждает свой план застройки этого места. Часть земли Тургеневых попала в собственность штабс-ротмистра А.А.Талызина, другая – братьям А.П. и Е.П. Кузнецовым.

В 1899 г. Соковнин продает усадьбу С.К.Бом за 400 рублей. С 1891 по 1920 г.г. ее владелицей является Софья Евгеньевна Смирнова. Тогда в усадьбе был каменный дом, с «выходом» и цокольным этажом, где обычно размещались зимняя кухня и прислуга. Дом имел тамбур у входного портала, была терраса, каменная кухня для лета, деревянный флигель, ледник, каменная конюшня, каретный сарай, деревянный птичник.

В 1938 г. в честь 120-летия со дня рождения И.С.Тургенева на бывшем доме С.Е.Смирновой была открыта мемориальная доска, указывавшая, что на этом месте стоял дом, в котором в 1818 г. родился И.С.Тургенев. В годы немецко-фашистской оккупации Орла этот дом сохранился. В начале 1980-х г.г. он был снесен. На его месте построили «многоэтажку», в которой разместились конторы и разные учреждения. На стене дома укреплена мемориальная доска.

Источники текста

1. Тургенев И.С. Полн. Собр. соч. и писем. Соч. Т. 11. М.: «Наука», 1987.- С.203.
2. Письма В.П.Тургеневой И.С.Тургеневу. Фотокопия ОГЛМТ Нф №
3. Алексина Р. «Дом Тургеневых». «Орл. Правда», 1983, 4 мая. (В статье не рассматривается история пожара в Орле 1850г.).
4. Алексина Р. «Судьба лесковской усадьбы». «Орл. Правда», 1987, 17 дек.
5. Арзуманова М.А. «К истории завещания И.С.Тургенева»//И.С.Тургенев. 1818-1883-1958. Орел, 1960.
6. Власов В. «Человек образованного ума». «Орл. Правда», 1998, 4 ноября.
7. Громов В. «По делу о сгоревшем доме госпожи Тургеневой». «Просторы России», 1994, 29 авг.- 4 сент., № 33. (Автор ошибся в определении дома, где родился И.С.Тургенев).
8. Ден Т.Н. «С.Н.Тургенев и его сыновья». «Русская литература», 1967, № 2.
9. Житова В. Воспоминания о семье И.С.Тургенева. Тула, 1961
10. Каталог выставки в память И.С.Тургенева в Императорской Академии Наук». Спб., 1909, с.82-83.
11. Мурье Ж. И.С.Тургенев в Спасском. СПб, 1898, с.41-45.
12. Никитина Н.С. Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева. 1818-1858.-СПб.: «Наука», 1995.-С.11-16.
13. Португалов М.В. Краткий путеводитель по Тургеневскому музею. Орел, 1921. С.5.
14. Руммель В.В. и Голубцов В.В. Родословный сборник русского дворянства. Т.2. СПб., 1887. (Со страницы 536).
15. Чернов Н.М. «Спасское-Лутовиново в XVIII веке»//Спасский вестник. № 1. Тула, 1992, с.46. (У нас уточнены даты пребывания И.И.Лутовинова на месте предводителя Чернского дворянства).
16. Чернов Н. Спасское-Лутовиново. Хроника. 1813-1883.
17. Тургенев и Орловский край. Биобиблиографический указатель. Орел, 1968. №№ 980, 1002, 1003, 1193, 1367, 1560.

Архивные документы.

1. ИРЛИ (ПД) АН РФ, Рукописный отд., ф. РІ, оп. 29, е.х. 87: Дело Орловского окружного суда, лл. 125 и об., 137 и об., 143 и об., 153, 198 и об., 350.
2. Гос. Архив Тульской обл. (ГАТО), ф. 39, оп.2, е.х. 2337 (1810-1860); е.х. 2340 (1844-1913) Дела Тульского Дворянского депутатского собрания по внесению в Дворянскую книгу Тул. Губ. Рода Тургеневых.
3. ГАТО, ф. 59, оп. 26, е.х. 405 (Чернский уезд).
4. Гос. архив Орловской обл. (ГАОО), ф.101: Исповедальные книги Борисо-Глебского собора. Е.х. 3152, 3237; Книга Сретенской церкви. Е.х. 3363, 3364, 3354; Книги Церкви Спаса.

Л.В.Иванова.

Еще к истории Дома Калитиных в Орле.

Одним из владельцев знаменитого Дома Калитиных в Орле был Африкан Васильевич Сафонов (1823? – 19 янв. ст.ст.1889), дворянин, статский советник, орловский и тверской помещик, владелец с. Сергиевское и др. имений во Мценском и Карачевском уездах Орловской губернии¹, знакомый И.С.Тургенева. Сафонов имел дом и флигель в Москве² и в разное время несколько домов в Орле, в том числе усадьбу на Верхне-Дворянской улице (с 1859 до середины 1880-х годов), известную в городе под названием Дворянское гнездо (ныне дом № 1 по ул. Октябрьской); там, по преданиям орловских старожилов, жила девушка, ушедшая в монастырь и послужившая прообразом Лизы Калитиной в романе Тургенева «Дворянское гнездо», а именно – Евдокия Семеновна Коротнева³. Потомки Сафонова утверждали, что семьи Сафоновых и Тургеневых были близко знакомы и бывали в гостях друг у друга в имениях⁴. Это знакомство произошло скорее всего в конце XVIII (XVIII) – начале XIX веков в с. Сергиевском Мценского уезда, принадлежавшем тогда действительному статскому советнику Н.А.Лопухину, который передал имение дочери Надежде в приданое. Ее муж, отец Сафонова, Василий Африканович, карачевский помещик, отставной штабс-капитан, стал владельцем села после смерти жены. Сафонов родился в Сергиевском⁵. В селе сохранился двухэтажный дом Сафоновых. Совладельцами с. Сергиевского были Новосильцовы, Гурьевы, Евреиновы. Среди соседей Сафоновых – Чичерин, Шеншины, а также прабабка Тургенева Мавра Ивановна Лутовинова⁶. Есть сведения, что именно во Мценском Сергиевском, расположенном на большой дороге, идущей из Орла во Мценск, 19 августа 1838 года слушал народных певцов бывший здесь проездом М.И.Глинка⁷.

Возможно, намек на это событие содержится в 1-м и окончательном вариантах рассказа Тургенева «Певцы»: «Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом». (В первом варианте: «Я бы [не одному] каждому музыканту посоветовал [поехать] съездить послушать хор сергиевских мужиков; я ему отвечаю, что он бы не раскаялся в своей поездке и может быть, вынес бы оттуда не одну мысль и не одно замечание»)⁸.

Тургенев мог встретиться с Сафоновым в 1850-е – 60-е г.г. в Орле в связи с интересовавшими обоих вопросами подготовки и проведения земельной реформы, в осуществлении которой в Орлов-

ской губернии Сафонов принимал самое деятельное участие: он был посредником полюбовного специального межевания земель в Болховском и в части Мценского уездов (1852-56), Орловским окружным начальником (1857-59), членом от правительства мировых съезда Мценского и Орловского уездов (1863-64), кандидатом на место мирового посредника по размежеванию земель (1869), назначенным с высочайшего соизволения членом по крестьянским делам присутствия⁹.

Тургенев и Сафонов должны были видаться летом 1858 года на Чрезвычайном губернском собрании¹⁰. О другой встрече известно из письма Тургенева А.А.Брянчанинову, служившему тогда в орловском банке; назначая ему свидание в Орле, Тургенев писал: «... мы могли бы провести вечер вместе с Вами и с моим старинным приятелем Сафоновым, которого увижу с радостью – побеседовали бы...»¹¹ Встреча состоялась, о чем свидетельствует письмо Тургенева тому же адресату, в котором он упоминает Сафопова как уже известное его корреспонденту лицо: «Передайте мой дружеский поклон Африкану Васильевичу»¹². Встреча произошла, надо думать, в орловском доме Сафопова, что подтверждает бытующее в Орле предание, будто Тургенев посетил «дом и сад Калитиных» и «находил в этом саду вдохновение»¹³.

Ряд фактов биографии Сафопова дают основание предположить, что он мог послужить Тургеневу прообразом одного из героев романа «Дворянское гнездо», а именно Паншина, светского молодого человека, знатока лошадей и отличного наездника, неплохого поэта, композитора, художника-дилетанта, командированного в губернский город О... Министерством внутренних дел в качестве чиновника особых поручений. Сафонов вступил в военную службу 14-16-летним юношей, служил в гусарском эрц-герцога Фердинанда полку; с 21 мая 1845 года по 28 марта 1848 года был определен младшим чиновником особых поручений при орловском губернаторе¹⁴. В орловском музее Тургенева хранится альбом Сафопова с рисунками XIX – начала XX в.в.; особенно интересны в нем шаржи (Сафопова ?) на известных орловцев и набросок в конце альбома: «на первом плане большие растрепанные деревья...» «и зубчатые горы на небосклоне»¹⁵, - пейзаж, постоянно рисованный тургеневским Паншиным.

Примечания

1. ГАОО ф.68, оп.1, д.57, л.134; ф. 552, оп.1, д.80; Стат. Сведения по Мценскому уезду. М., 1886; ф.6, оп.1, д.3512,

- 1859; ф.63, оп.1, д.2769. Списки помещиков, л.379, №891, 1851.
2. ГАОО, ф.593, оп.1, д.618, л.30 об. (усадьба принадлежала Сафонову с 24 февраля 1859 г. до середины 80-х годов XIX в.).
  3. См. свод преданий о «доме Калитиных» в Орле в кн.: Афонин Л. Рассказы литературоведа.-Тула: Приокское книжное издательство, 1979.-с.32-41.
  4. Письмо С.П.Сафонова от 9-04-1999 (в личной коллекции).
  5. Статистические сведения по Мценскому уезду. М., 1886, л.328.
  6. Памятные места Орловщины // Сост. В.М.Катанов.-Орел: Политическая агитация, 1989, 2 января, с.15.
  7. Сизов П.В. Русская народная песня в рассказе «Певцы»// 7-й Межвузовский тургеневский сборник.-Курск, 1997.-с.109.
  8. Тургенев И.С. Полн. Собр. Соч. и писем в ___ т. Соч. Т.III,- с.219, 492.
  9. ГАОО, ф.580. ЛД ф. 220 и 322 – л.2об.-3.
  - 10.Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма. Т.3.- М.:»Наука», 1987, с.323; письмо Тургенева А.А.Фету от 16-21 июня (28 июня-3 июля) 1858 г. См. также: ГАОО, ф.580, стол. 2, д.1390004, л.91 – список прибывших на Чрезвычайное собрание дворян.
  - 11.Тургенев И.С. Полн. Собр. соч. и писем в 28 т.т. Письма. Т.ХII, М.-Л.: «Наука», 1966.-С.343; письмо Тургенева А.А.Брянчанинову от 16(28) августа 1878г.
  - 12.Там же, с.354.
  - 13.Орловский вестник, № 124, 11 мая 1903г.; Клейборт Л.В. Дом Калитиных. Из легенд о «Дворянском гнезде» (ОГЛМТ, оп.2, д.499, рукопись).
  - 14.ГАОО, ф.ЛД. №№ 220 и 322; л.л. 2 об. – 4.
  - 15.Альбом хранится: ОГЛМТ № 1893 оф.

К.А.Седойкина.

Дом на Болховской (гостиница Иордан).

В сочинениях И.С.Тургенева нетрудно узнать орловские места, события, лица.

В письме из Спасского И.В.Павлову от 27 марта ст. ст. 1859г. Тургенев писал: "... Я приехал сюда вчера - и, по всей вероятности, буду от 30 марта до 5 апреля в Орле... Приезжайте в Орел: я останюсь у Иордана..."¹⁾.

Кто же этот Иордан? И где в Орле его дом?

Иордан Константин Михайлович - орловский купец 2-й гильдии, выполнявший в эти годы подряд на строительство института благородных девиц и этапных мест в Орле и Болхове²⁾, владелец трех усадеб в городе. Но только в одной из них был новый дом с номерами. Усадьба эта занимала значительную часть 23 квартала, между улицами Болховской и Георгиевской (ныне ул. Ленина и Тургенева). Двухэтажный угловой каменный дом для купеческой жены Еввы Карловны Иордан построен по проекту, составленному городским архитектором Дмитрием Васильевичем Ореховым (губ. Арх. И.П.Лутухин) в апреле 1856 года³⁾. С улицы в дом было три входа, со двора - четыре. Три лестничные клетки делили его на условно обособленные части: в верхнем этаже - жилые блоки помещений, различные по площади и числу комнат, в каждом - службы, торговые лавки, помещения для сдачи в наем. Вот в этом доме, как и предполагалось проектом, разместилась в 1857 году гостиница Иордан.

В архитектурном оформлении фасадов - классическая простота: ордерные пилястры, пояски, карнизы, арочные окна, изящный рельеф.

Дом сохранился. Его адрес: ул. Ленина, 19 (бывшая Болховская, 17). Изменилась его планировка - теперь он многоквартирный. Утрачены некоторые детали фасада; общий вид остался прежним. Но дому необходим серьезный ремонт, восстановление основных форм и деталей. Следует отметить, что он с самого своего появления перестраивался, дополнялся. Эти работы по дому, устройству флигелей, забора, ворот, двора, сада до 1865 года производились купчихой Е.К.Иордан⁴⁾ и продолжались новыми владельцами. В 1870 году дом по купчей крепости перешел купцу А.Г.Острикову⁵⁾. С середины 1870-х годов его владельцем стал А.А.Красовский. Здание ремонтируется, окрашивается. И вот "Орловский вестник" № 63 от 25 августа 1877 года сообщает: "С 28 августа открывается вновь отделанная Европейская гостиница с кафэ-рестораном; общий стол и по

карте; номера от 1 до 5 рублей. Ванны, водопровод, воздушные звонки (т.е. телефон - К.С.) и пр. Болховская ул., дом Красовского". В последующих номерах публикуются новые объявления об услугах гостиницы. Так, в № 77 от 16 октября: "С 10 октября открыта бильярдная при ресторане. Бильярды Шульца. Плата за партию

днем: 1 час - 40 коп, 1 партия - 10к.

вечером: 1 час - 50 коп, 1 партия - 15 к.";

в № 86: "Европейская гостиница получила музыкальную машину Бругера и Фуртвенглера, и прибыл из Москвы новый повар". Престижная гостиница процветает, но недолго. В середине 1880-х годов производится капитальный ремонт по укреплению угловой части дома. Чертежи по устройству металлических связей подписаны губернским инженером Красовским и архитектором академиком Тибо-Бриниолем⁶⁾. Тогда и появился балкон на металлических балках, с узорным ограждением. Из "Орловского вестника", № 176 за 6 июля, 1886 года: "Выдача книг в публичной библиотеке "Орловского вестника" по случаю перехода - в дом бывший Красовского, на Болховской же улице, - будет остановлен на 2 дня, до 8 июля..."

С этого дня в доме на Болховской, 17 помещается книжный склад и богатейшая публичная библиотека. Библиотека приобрела известность прекрасно подобранным книжным фондом. Перечень всех поступлений регулярно печатался в "Орловском вестнике". Так, в № 43 за 1889г., от 31 марта перечислены полученные газеты и журналы.

Ежедневные: "Московские ведомости", "Русские ведомости", "Новое время", "Театр и жизнь", "Сын отечества"... - всего 34 издания.

Еженедельные: "Родина" (газ. и журн.), "Живописное обозрение", "Вокруг света", "Русский паломник"... - всего 42 издания.

Ежемесячные: "Русская мысль", "Книжки недели", "Северный вестник", "Киевская старина", "Детский отдых" - всего 15 изданий.

Это богатство привлекало интеллигентную публику. Здесь Общество любителей драматического искусства дает спектакли в пользу Комитета народных чтений ("Орл. вестн." 1889, № 20; "Орл. вестн.", 1896, 11 июля).

С середины 1880-х годов дом называют "бывший Красовского", дом харьковского земельного банка, гостиница и дом Коломниных⁷⁾, при нем семейный сад "Эрмитаж", гостиница Европейская-Рылова и пр.

В саду "Эрмитаж" в разные годы были павильоны, оранжереи, цирк, летний театр. Зимой здесь заливался каток. Сад популярен, его программа разнообразна. Выступал известный русский оригинальный клоун, любимец московской публики В.Дуров ("Орл. вестн." №

113. 1888) в большом увеселительном вечере с дивертисментом; кружок балалаечников из Москвы под управлением Андреева ("Орл. вестн." № 62. 1889); ставились спектакли в летнем театре. В апреле-мае объявлялось открытие сада "Эрмитаж", назначались гулянья с оркестрами духовой, камерной или бальной музыки. Для музыкального города, каким был Орел, это естественно. В новый дом М.Г.Георгиевской по ул. Болховской, 19⁸⁾, что примыкает к гостинице, в 1880г. переехал старейший нотно-музыкальный магазин В.Ф.Генчеля, известного в Орле музыканта-импровизатора, создателя первого в городе симфонического оркестра (1870), первого директора Орловского отделения РМО* (1877). Орловцы считали его прототипом Лемма в "Дворянском гнезде" И.С.Тургенева.

Тогда же, еще в доме Красовского, на Болховской, 17 открылся магазин В.А.Кашкина⁹⁾, в котором можно было приобрести не только разнообразную музыкальную² литературу, музыкальные инструменты, но и учебники, учебные принадлежности, бумагу разных сортов. К концу XIX века музыкальные магазины носят общее имя К.К.Генчель - В.А.Кашкина (см. Памятную книжку и Адрес-календарь за 1900 и 1905 гг.)¹⁰⁾.

В "Материалах для описания Орловской губернии" (Рига. 1905) магазин характеризуется как лучший книжный и музыкальный магазин Орла, ставший своего рода центром пропаганды музыки в Орловском крае¹¹⁾.

Дом на Болховской, 17 (ныне ул. Ленина, 19) связан с именами многих знаменитых орловцев.

Известно, что в свои приезды в Орел Тургенев останавливался в гостиничных номерах, предпочитая уже знакомые ему. В октябре 1858г. внезапная болезнь заставила писателя выехать в Орел, где он пробыл 6 дней (до 24 окт.) и воспользовался помощью своего знакомого орловского врача и литератора И.В.Павлова (1823-1904).

Хотя Тургенев не смог приехать в Орел в апреле 1859 года, упоминание о гостинице Иордан вызывает в его памяти детали прошлогоднего приезда: "... Помните карбункул, отгадывание карты, фантастическую ночь? Я все это не забыл и в особенности не забыл Вашей доброты..."

Не исключено, что Тургенев мог остановиться в этой гостинице, бывая в Орле проездом - на охоту в Топки, в Карачевский и Севский уезды - и в другие годы, когда она называлась "Европейской".

О пребывании в доме Иордан известного этнографа и фольклориста Павла Ивановича Якушкина свидетельствует Н.С.Лесков: "Павел Иванович очень часто попадался всем на глаза на главных

бойких пунктах этого городка. У Иордан в гостинице - он, в книжном магазине у орловского моста - он, и все стоит да знакомым рукой машет..." Эти посещения Якушкина относятся к 1860-м годам, когда осложнились отношения с родными, и он мог вообще поселиться "у Иордана"¹²⁾.

Бывал в доме на Болховской и композитор В.С.Калинников, который в 1882-1884гг. учился в Орловской духовной семинарии. В его письмах встречается имя В.Ф.Генчеля, с которым дружила вся семья Калинниковых. Молодой композитор нередко обращался к нему за советом. В августе 1884 года перед экзаменами в Московскую консерваторию он посещает Генчеля; вот как он пишет об этом Н.С.Ливановой: "Вчера, от нечего делать, отправился к Генчелю - в магазин. Мне хотелось с ним посоветоваться о том, когда ехать в консерваторию. Поговорили и побеседовали по душе. При прощании я просил его что-нибудь сыграть на рояли. Он сел и взял "Евгения Онегина". Я до того увлекся его игрою, и мне так понравилась эта опера, что я решил немедленно же купить ее"¹³⁾.

Биограф композитора Г.Пожидаев упоминает о том, что в магазине Генчеля В.С.Калинников имел возможность знакомиться с музыкальной литературой и посещать некоторые концерты и спектакли - организацию многих выступлений и распространение билетов брал на себя магазин Генчеля.

Знал В.С.Калинников и владельца нотного-музыкального магазина В.Д.Кашкина¹⁴⁾ (вход в магазин под четвертым окном), который оставил статью "Из воспоминаний о В.С.Калинникове". ("Русская музыкальная газета", 1901г. №№ 51-52).

Посещал библиотеку "Орловского вестника" на Болховской, 17 И.А.Бунин, приехавший в Орел и ставший сотрудником редакции с осени 1889 года. Потом в романе "Жизнь Арсеньева" Бунин вспомнил этот дом. И каким неуютным он показался автору спустя 30 лет: "... Я заходил в библиотеку ... холодная лестница на второй этаж, обитая по войлоку рваной клеенкой дверь... Три сверху донизу уставленных истрепанными, лохматыми книгами залы...

Я проходил в "кабинет для чтения", круглую, пахнущую угаром комнату с круглым столом посередине, на котором лежали "Епархиальные ведомости", "Русский паломник"...

...Я спрашивал "Северную пчелу", "Московский вестник", "Полярную звезду", "Северные цветы", "Современник" Пушкина... Брал, впрочем, и новое - всякие "Биографии замечательных людей"...

В этой комнате, я помню, впервые прочел Радищева - с большим восхищением. "Я взглянул окрест - душа моя страданиями человеческими уязвлена стала..."¹⁵⁾

Дом, где побывало столько замечательных людей, хранит частицу их души и вместе с соседними домами представляет прежнюю улицу старого города. Ремонт и благоустройство сделают его еще более привлекательным. Как во времена Тургенева и Лескова его иногда называют "гостиница Иордан".

Мемориальная доска на доме поможет нашим современникам вспомнить знакомые имена и вернуть из забвения несколько страниц исторического, литературного, музыкального Орла.

Примечания

1. Тургенев И.С. Письма. т.4. с.29.
2. ГАОО. Ф. 22, оп.1, д.321. Прощение купца К.И.Иордана, сравнительные ведомости на построение этапов, заключение архитекторов и стр. и дорожной комиссии: л.л. 29, 145.
3. ГАОО. Ф. 22, оп.2, ед. хр. 320. Проект на постройку каменного дома Орл. врем. купчихе Евы Карловны Иордан в г. Орле, 3ч., на Болховской улице.
4. ГАОО. Ф. 22, оп.1, ед. хр. 618. Список владельцев усадебных мест г. Орла. 1877. (235, 821. Квартал 23).
5. ГАОО. Ф. 22, оп.2, ед. хр. 1313. Проект на постройку каменных флигелей. Л.1,2,3,4. 1856г.; Проект на постройку флигеля, ворот и забора Е. К.Иордан. Л.5. 1857г.
Там же. Ед. хр. 1280. Проект на перестройку каменных служб в жилые флигеля ... орловской купчихе 2-й гильдии Е.К.Иордан.
6. Там же. Ед. хр. 1298. Железные связи, устраиваемые в доме бывшем Красовского (с чертежами связей на планах нижнего и верхнего эт.) б/д.
7. Там же. Ед. хр. 485. Проект надстройки, чертежи изменений 2-этажного флигеля на месте Ольги Павловны Коломниной (1895, 1900гг.).
8. Там же. Ед. хр. 464. Место для перестройки М.Г.Георгиевской, между владениями Желтухина и Красовского, на Болховской. 1879.
9. Адрес-календарь на 1888, 1891гг.
10. Памятная книжка Орл. губ. и Адрес-календарь на 1900, 1905 гг.
11. Материалы для описания Орловской губернии. Рига. 1905.
12. Там же. С.96.
13. Пожидаев Г. Василий Калинин. Симфония жизни в 4-х частях. М. 1993. С.57.
14. Русская музыкальная газета. 1901г. №№ 51-52.

15. Букин И.А. Жизнь Арсеньева. Тула. Приок. кн. изд. 1985. С.208-209.

С.А.Тишина.

В родовом гнезде И.С. Тургенева.

Село Тургенево Чернского района Тульской области - родовое гнездо предков Ивана Сергеевича Тургенева по отцовской линии, нашло отражение в творчестве писателя. Здесь он бывал с детства. Говорят, что при приездах в Спасское, он навещал Тургенево, где жил его брат. В 1850 году в письме из Тургенева он сообщает Полине Виардо: "Расположено Тургенево очень приятно. Мне устроили комнату в обширном помещении бумажной фабрики... Из окон я вижу большой луг, омываемый рекой, - там важно прохаживаются утки, вдоль другого, обрывистого берега тянется деревня. Вчера и сегодня я уже охотился... Стоит роскошное утро - воздух золотистый, прозрачный, кристально чистый, на ивах по ту сторону реки можно рассмотреть каждый листок." В Тургенево рождены прекрасные рассказы "Записок охотника" - "Бежин луг" и "Певцы". По утверждению старожилов, прототипами бедных мальчиков в рассказе явились детишки с Бежина луга: Илюхины, Стариковы, Сидоровы. Считалось, что прообразом мальчика побогаче, Феде, стали братья Шатневы. Потомки прототипов тургеневских рассказов до сих пор живут в селе Тургенево и в деревне Бежин луг.

Во многих произведениях писателя встречаются географические названия тургеневской округи: в "Бежине луге" - Красные Холмы, Слободка, Синдеевская роща, в "Певцах" - деревня Колотовка, в "Степном короле Лире" - д. Ерино, Белино, Беськово, в "Дворянском гнезде" - д. Покровское, в "Бирюке" - Кобылий верх и т. д...

Село Тургенево возникло между 1771 и 1774 гг. /В. Новиков "По тургеневским местам"/. Основал его прадед писателя Алексей Романович Тургенев. Женившись на Прасковье Михайловне Сухожиной, он получил за ней в приданое деревню Вязовну с крестьянами и землей. Затем по наследству она переходит к деду Ивана Сергеевича - Николаю Алексеевичу. Для своей усадьбы он выбирает другое, очень живописное место на правом пологом берегу реки Снежедь. Строит дом. На левый высокий берег Снежеди Николай Алексеевич переселяет крестьян из д. Вязовны и других мест. Им так было ближе ходить на барщину. Вырастает село в два порядка изб.

В 1815 году оно переходит к отцу писателя - Сергею Николаевичу... Он укрепляет хозяйство, женившись на богатой Варваре Петровне Лутовиновой. В её письмах упоминается о бумажной фабрике в Тургенево - ею активно занимался дядя писателя - Николай Николаевич Тургенев. Говорят, на фабрике изготовлялась прекрасная лощеная бумага. По преданию, свои первые произведения Иван

Сергеевич печатал на этой бумаге. В 1850 году Тургенево перешло к старшему брату писателя – Николаю Сергеевичу, который владел селом до конца своей жизни, до 1879 года.

Живой памятью об Иване Сергеевиче Тургеневе наполнен воздух его родового гнезда. Воспоминания о нем трепетно оберегаются. Приводим их здесь так, как они рассказывались. "Моя бабушка, - рассказывал житель д. Стекольная Слобода Павел Иванович Мартынов, - сказывала, что ее мама а, следовательно, моя прабабушка жила в няньках в Спасском-Лутовинове у Варвары Петровны..." О Тургеневе-мальчике: «Красивенький был, волос пышный. Любила она его очень. А барыню страх как боялись. Муж ее, правда, добрый был, но под пятой у нее находился". А вот воспоминания А.Ф. Полякова, директора Тургеневской школы: "Моя бабушка Акулина Алексеевна была дворовою у Варвары Петровны и жила в селе Тургенева. Она служила горничной и ухаживала за цветами в оранжерее... Ивана Сергеевича она обожала, часто вспоминала о его приездах в село с матерью и в одиночку. Иван Сергеевич не любил, когда мать устраивала ему пышные встречи. ... Готовилась пышная встреча. Недовольным вышел Иван Сергеевич из кареты. "Ну, что ты меня, как архиерея встречаешь", - обронил он матери... Крестьяне все обожали молодого барина. Акулина Алексеевна часто слышала споры Ивана Сергеевича с матерью. "Дай ты им волю!" - не раз убеждал он матушку, но Варвара Петровна оставалась непреклонной. Людей драли розгами на конюшне. <...> В присутствии Ванечки мать была добрее... Дед мой по отцу заведовал бумажной фабрикой. В нашей семье говорили, что очень уж хороша была бумага. Богачом-мельником на селе был Анисим Варфоломеевич Чадаев. Он любил побахвалиться своим богатством. Когда женил своего сына Кузьму, то на дорогу до церкви стелили ковры. В доме близ бывшей мельницы до сих пор живет внучка богача тургеневской эпохи".

"Бабушка моя по отцу, - вспоминает А. М. Демушкина, учительница-пенсионерка, старожил села Тургенева, - родом из Спасского-Лутовинова. До замужества жила там. Хорошо знала Ивана Сергеевича... В возрасте 12-13 лет в Спасском стерегла она барских гусей. И вот однажды налетел коршун и "долб гусенка в ушко". Гусенок упал. Девочка убежала к себе в хату и забралась на печку со страха, так экономка палкой "оттудова выбила..." ... В деревне все ликовали в дни приезда барина. Вокруг барского дома устраивали столы с угощением. Крестьяне пели, "карагоды" водили, Иван Сергеевич приказывал угощать их, дарил монеты, девушкам вешал на шею бусы. Дед мой и брат были проданы в д. Жерлово за собаку и дрожки. Это пример того дикого барства, с которым не могла миться чуткая душа писателя."

Интересны воспоминания старожилов д. Колотовка, которая, как говорят, некогда принадлежала Тургеневым. А.Ф. Поляков еще в 1968 г. записал рассказ Спиридона Ильича Бобкова: "Сельцо Колотовка в период написания И. С. Тургеневым рассказа "Певцы" находилось на левом берегу реки Снежедок. И как раз по обеим сторонам овражка, примыкающего к лесу Дуброво - Городище. Позже эта земля была куплена помещиком Карповым. В Колотовку были переселены крестьяне из одноименной деревни под Белевом. Кое-кто переехал из Лобанова. Карпов часть домов перевел за речку на правый берег, там же, был и карповский дом. Сюда приезжал Иван Сергеевич, играл с Карповым в шахматы.

На берегу Снежеди действительно был кабачок под названием Притынный. Сюда местные жители любили ходить выпить, а особенно опохмелиться после праздника. Ведала кабачком жена безземельного крестьянина Сорокина Семена, известная под кличкой Антониха. Имени ее никто почему-то не знал. Певцы в Колотовке действительно были: особенно отличавшийся Жариков Николай, кто-то из Бобковых непременно: ведь их полна деревня."

Наталья Васильевна Бобкова, тоже старожил этой деревни, добавила к рассказу следующее: "Обе стороны прежней Колотовки разделял глубокий овраг (Ганин верх), названный когда-то по имени Агафьи Петровны, жившей со своим мужем вверху оврага. Внизу же оврага находился Притынный кабачок».

Создать в селе Тургеневе музей, восстановить мемориальные постройки, привести в порядок парк, сад, прочистить речку Снежедь, принимать потоки экскурсантов всегда было заветной мечтой тургеневских патриотов и, прежде всего, учителей. Сейчас, когда, кажется, дело сдвинулось усилиями музея-заповедника Спасское-Лутовиново с мертвой точки, хочется воскликнуть: "Дай-то бог успехов в добром начинании!". Хочется верить, что будут использованы материалы из архива А. Ф. Полякова, долгие годы проработавшего директором Тургеневской школы и опубликовавшего книгу "История Тургеневской средней школы", его масштабный план зимнего флигеля бумажной фабрики, в помещении которой будут размещены экспонаты музея, его описание тургеневского дома, сгоревшего в 1919 г., предметы народного быта, собранные мной с помощью учительницы-пенсионерки Марии Ивановны Смирновой, которая в недавнем прошлом вместе со своим мужем Федором Федоровичем Смирновым создала при школе отличный краеведческий музей (к сожалению, развеянный временем перестройки после их ухода на пенсию), интересные фотографии из альбомов А.Ф. Полякова об истории школы, которая всегда свято хранила память о великом земляке. А.Ф.Поляков считал, что «прогрессивное влияние

писателя, вероятно, сказалоь в том, что забытые и разоренные до нищеты крестьяне села Тургенева стали рано думать о школе». Самая первая школа у нас зародилась в 1875г. Это была школа в деревенской хате, и первым учителем был простой крестьянин Ефим Кондратьевич Осипов. Потом при содействии священников открывались приходские и земские школы с прекрасными традициями. Та школа, которая работает сейчас, построена в 1932–1934 г.г., под непосредственным руководством А.Ф.Полякова, при огромном творческом усилии слаженного коллектива школы - Жадушкина В.И., Жадушкина М.А., Сахарова И.И., Сахарова Э.И., Печникова А.К., Епишева А.М., Просветова А.И., Просветов А.В., Полякова А.М., Александрова Э.И., Французова Т.М, Мокрова В.М. и других истинных патриотов своей земли, делавших неоценимое дело просвещения.

Большой надеждой тургенивцев является реставрация величественной Введенской церкви, о которой в Клирной ведомости 1861г. значится: "Введенская церковь построена в 1806 году тщанием помещика оного села лейбгвардии прапорщика Николая Алексеевича Тургенева с отделкой всего здания вчерне и окончательного завершения и освещения одних приделов. В лучшем виде настоящей отделана прихожая артиллерии майором Николаем Николаевичем Сухотиным при вспоможении церковными средствами и содействии всех прихожан и освящена 3 октября 1861 года.

Примечание

В статье использованы материалы из личного архива моего отца А.Ф.Полякова.

[С.Т.]

IV

С думой о Тургеневе

Валерий Протасов

СПАССКИЕ АЛЛЕИ.

Глава из повести

«Последнее лето»

Между тем, ненастье затягивалось. Все, а особенно дети, томилась по воле. Каждое утро Тургенев взглядывал на небо. О долгих прогулках нечего было и мечтать.

Пользовались каждым ясным часом. Стоило появиться солнцу, сад быстро оживал. В воздухе разливались крепкие ароматы молодой зелени. В траве и на ветках деревьев пробовали голос птицы. Над землей начинал куриться легкий пар. Сначала все шли вместе. Потом начинали разбредаться по аллеям, к самому краю которых подступала набиравшая силу растительность. Иногда кто-нибудь из детей сходил с песчаного края дорожки, осторожно раздвигая заросли спутанной травы. Сочная зелень скрипела под ногой. Помятые стебли тут же распрямлялись, вставая плотной стеной. Дети бросались назад, вырываясь из цепких паучьих объятий. Вокруг поднимался целый фонтан брызг. Из такой травы выскакивали, как из ванны. Кто-нибудь прыгал уже нарочно, чтобы с визгом выскочить на дорожку мокрым с ног до головы.

В одну из таких прогулок Тургенев оказался на берегу пруда, где у него была любимая скамейка возле трёх сросшихся лип. Он называл их сестрами. Сюда едва проникали лучи солнца, желтыми теплыми пятнами ложились у ног. С верхних ветвей, где было больше тепла и света, долетали птичьи голоса. В пригретом сонном небе медленно двигалось куда-то стадо кудрявых облаков. Если сидеть тихо, чего только не увидишь и не услышишь: непрерывно шумящую, трепещущую под ветром листву, птичью разноголосицу, в которой скоро начинал обозначаться свой смысл. Иногда на дорожку выбегала и тут же пряталась в норку землеройка, шурша выползал уж. Его путь можно было проследить по узкой извилистой дорожке, ненадолго оставшейся в траве.

Возле самой воды было ветрено. Он встал и пошел вдоль берега. То и дело, точно подброшенные невидимой пружиной, из тины взвивались и шлёпались в воду вспугнутые лягушки. Короткими быстрыми стёжками строчил морщинистую рябь водяной паучок. Выставив наружу коричневую головку с черными блестящими бусинками глаз, среди зелёной ряски и сора неподвижно лежала лягушка. Он сделал ещё шаг - головка с коротким всплеском исчезла в воде и больше не появлялась.

Он двинулся дальше, внимательно присматриваясь, и теперь,

казалось, различал затаившихся в жижице возле коряг распластанных на воде лягушек, исчезавших с коротким всплеском при его приближении. Где-то за прудом, в густых полудиких зарослях, прокричала несколько раз своим странным горловым голосом кукушка. Должно быть, подзывала самца. Изредка, срываясь с ветки, в воду падал подхваченный ветром лист. Пруд дышал туманом. На другом его берегу, в заросшей кустарником ложине, ветер трепал листву одинокого тополя, заворачивая её тускло-серебряную изнанку. Низко опущенные ветки деревьев почти касались воды.

От пруда дорожка змеилась вверх. Здесь было суше, теплей. Духовито пахли великаны-сосны. В глубине парка тоже шла своя жизнь. Два драчливых воробья с оглушительным визгом пали сверху на дорожку. Они возились и тузили друг друга, не замечая ничего вокруг. Если бы в этот миг сверху бросился коршун, добыча была бы у него в когтях. Но вот один из воробьев вырвался и улетел, а победитель, тяжело дыша, остался сидеть на месте сражения. Он сидел, прижавшись грудкой к земле, маленькие бока его раздувались, как кузнечные меха, перья медленно опускались. Черная бусинка глаз опасливо поблескивала, придавая птице сходство с испуганной мышью. Как страшно, должно быть, было воробью в этом огромном непонятном мире! А вот ничего. Сидит и даже ликующе чирикает, как будто говорит: "Что? Что? Не боюсь!" Поднятый треском чых-то крыл победитель вспорхнул и нырнул в чашу парка. Сквозь листву на маленькую земляничную поляну вылетела, трепеща перламутровыми крыльями, белая птица с розовыми разводами на хвосте и застыла, точно мраморное изваяние, испуганно глядя на человека. Горлинка, залетевшая из леса. Вблизи слышалось воркование. Горлинка порхнула в ту сторону, откуда слышался зов. Какая-то птица чуть побольше воробья, с белыми крыльями и темными пятнами на грудке, на длинных тонких ножках стояла в маленькой лужице. Посеменила, опасливо кося глазами на человека, и, так и не напившись, улетела.

Чтобы согреться, он выбрался на открытое место. Над старым екатерининским трактом чуть дрожал прогретый солнцем воздух. Здесь, на просторе, небо казалось необъятным - бездонная пустыня, по краям которой, тяжело переваливаясь, плыли темные холмы облаков. Тронутое кое-где пастельными пятнами с голубыми вымоянами, оно лазурным ковром простиралось над зеленой долиной. В самой середине этого ковра пронизанные золотым светом облака легким белым паром лениво текли в бездонье, меняя свою форму, как в волшебном калейдоскопе. Вот на спине большой, божественной белизны горы с храмом на вершине, сдвинулись складки, заострились маленькими пиками - гора стала похожа на гигантского взье-

рошенного ежа, к которому неслышно подбиралось стадо белых барашков. Быть может, для того, чтобы поиграть с ним. Но уколовшись об острые иглы, они отпрянули в сторону, сбились в кучку, испуганно перешептываясь между собой. Вот они вытянулись караваном, стали похожи на волнистую каемку, оставленную пенным гребнем волны. Потом свернулись в кольцо, снова подплыли к изменившему свой облик ежу, превратившемуся в какое-то зубастое чудовище. Немой спектакль без начала и конца, в котором нет ни прошлого, ни будущего - одно настоящее, текущее, меняющееся каждый миг. Можно без конца смотреть в эту затягивающую глубину, пить, не насыщаясь, эту чашу вечности, которую ничто не расплещет до скончания мира. Так же бесстрастно склонялась она над бушующим хаосом, над мёртвыми просторами Земли перед началом жизни и так же равнодушно будет взирать на её конец. Если в эту синеву смотреть долго-долго, за слоем лазури начинал угадываться вечный холод межзвёздного пространства...

Проходили часы. Солнце понемногу скрывалось за деревьями. Начинало тянуть вечерним холодком. Сильные, терпкие запахи остывающей земли наполняли воздух. На пологой и более прогретой солнцем стороне пруда слышалось немолчное, однообразное, но приятное курлыканье, будто кто-то дул в маленький рожок или издавал горловые печально вибрирующие звуки. Парк постепенно замирал. Реже слышалось звонкое стрекотанье, щебет. Возле ствола старой липы в траве неподвижно сидел нахохлившийся комочек. Это был вывалившийся из гнезда дрозденек. Зрачки его открытых глаз были задернуты пленкой сна. Над ним с криком носилась птичья пара.

Быстро гасла заря. С другой стороны неба над затихающим парком всходил большой розовый шар Луны. В звонкой тишине вечера отчетливо слышался каждый звук: бормотанье сонной птицы, редкое курлыканье лягушек, далёкий, но явственный лай собаки, человеческий голос. О чем-то шептался с травой ветерок, что-то шуршало... Смолкало на миг - и вновь продолжалась невидимая в сумерках работа. На сонную воду невесомой синеющей лентой крадучись садился туман, расстилаясь мало-помалу по всему пруду, подступая к берегам. Из неподвижной воды смотрели тени деревьев. Толстый ствол дерева наклонился к пруду, думая свою одинокую думу. Две коряги у берега притаились, точно живые, замыслившие что-то недоброе чудовища. А где-то вдали желто-синее небо уходило за дальний пригорок; за ним в необъятных далях расстилалось царство очарованного молчания. Щетина леса на круче затаившегося оврага придвинулась ближе, досылая густую таинственную темноту. Птичья пара всё покрикивала, но уже с ветвей большой липы, под кото-

рой в траве неподвижно сидел живой комочек. Потемневшие голубые дорожки незабудок едва различимо бежали среди спящей травы в глубь парка и там растворялись во тьме.

И над всем этим засыпающим миром опрокинутой чашей темнел небосвод. Ртутными точками на черном бархате проступали следы далёких звёзд. Звёзды побольше были в колючих зубчатых коронах. Они то светились, то исчезали, словно огоньки свечей, скрываемые дыханием невидимого ветра, творившего что-то таинственное в небесной глубине.

В парке стало совсем темно. Сквозь густую листву звёзды едва проглядывали. Зато на полянке перед домом небо раскрылось во всю ширь. Запрокинув голову, Тургенев долго смотрел в эту тёмную синь, усеянную голубыми, зелёными, розоватыми светляками. Небо уже не казалось холодным, пугающе равнодушным пространством. Неслышимой музыкой перезванивались неведомые миры. "Хоры стройные светил" плавно двигались в небесной глубине.

Однажды, давным-давно, в такую же летнюю ночь стоял он с другом юности своей во дворике московского пансиона. Так же трепетно сияли звёзды. И немой восторг охватывал душу. Казалось, какая-то неведомая сила вот-вот подхватит и понесёт в блаженную, несказанно счастливую страну. Молодой голос звенел от волнения.

Над нами небо с вечными звёздами,

А над звёздами их Творец!

«Боже мой. Боже мой, где они, те восторги? - подумал он. – Все прошло вместе с молодостью. Но это звездное небо! Оно все то же. И останется таким, когда никого из нас не будет...» С бьющимся сердцем вернулся он в дом. Долго не мог уснуть. Где-то в леваде, пробуя голос, раз - другой щелкнул соловей. Ещё... И вдруг, точно проснувшись, забил-защелкал в три-четыре колена.

Л.Н.Назарова.

Памяти В. А. Громова.

В ноябре 1952 г. в г. Орле, на родине И. С. Тургенева, специальной научной сессией отмечалось 100-летие со дня выхода в свет "Записок охотника". В этой сессии принимали участие также научные сотрудники Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, хранящем в своих собраниях многие важные, но полностью еще не опубликованные архивные и музейные материалы. На этой научной сессии, руководимой тогда членом-корреспондентом Академии наук СССР М.П.Алексеевым, присутствовал и совсем еще молодой научный сотрудник музея И. С. Тургенева - Владимир Алексеевич Громов.

Окончив Орловский педагогический институт, он стал заместителем директора музея и впервые начал печататься. С этого времени установились и связи В. А. Громова с Пушкинским Домом. Он начал принимать деятельное участие в подготовке к печати академического полного собрания сочинений и писем И.С.Тургенева, главным редактором которого был академик М.П. Алексеев, в спутниках издания - "Тургеневских сборниках", в журнале "Русская литература".

Вспоминаю, как я лично познакомилась с В. А. Громовым. Это произошло, очевидно, где-то в 1950-х годах, когда я приезжала в Орел по каким-то тургеневским делам. Владимир Алексеевич встретил меня во дворе музея И.С.Тургенева. Стояла ранняя осень. Он был в темно-синем плаще, на голове была шляпа с полями. Громов оказался очень приветливым и эрудированным: рассказал мне много интересного о музее и, конечно, познакомил с ним.

Вскоре Владимир Алексеевич поступил в заочную аспирантуру Института русской литературы, где его научным руководителем стал академик М.П.Алексеев. Работа над кандидатской диссертацией не мешала, а, наоборот, способствовала тому, что Громов стал активнее печатать части ее в разных изданиях.

В 1958 году он выступил на Орловской научной конференции с докладом на тему "И. С. Тургенев и русская действительность 40-х - 50-х годов". Этот доклад его был напечатан затем в сборнике "И.С. Тургенев (1818 - 1883 - 1958). Орловского книжного издательства в 1960 году. Немногим позднее В.А.Громов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Повести И.С.Тургенева 1840- годов - первой половины 1850-х годов" (Л., 1962). И в дальнейшем над изучением творчества Тургенева Громов работал неутомимо, неустанно, преданно, исследуя не только орловские, но и московские, в особенности ленинградские архивохранилища. Отрывал время для

этого из своего отпуска, встреч с друзьями и т.п. Помню, в один из моих приездов в Спасское-Лутовиново я договорилась заранее, что он придет из Орла туда же, и мы встретимся утром воскресного дня. Однако, я, моя сестра, а также живший в "богадельне" Спасского Н.П.Пузин, встав после 9 часов утра, уже не нашли Владимира Алексеевича на скамейке около "богадельни"... Нам сообщили, что он с рюкзаком за плечами ждал нас более часа, но не выдержал и отправился в очередную свою тургеневскую "экспедицию" в окрестности Спасского-Лутовинова.

Так бывало, впрочем, не всегда. Ведь Владимир Алексеевич по натуре был человеком очень добрым, коммуникабельным. Так вот однажды в 1963 году (он был тогда зам. директора музея) предложил мне и моей приятельнице, которая вместе со мной жила в "богадельне", поехать на Бежин луг. Причем не на автобусе или такси, а на лошади, в телеге с кучером Спасского, который и управлял нашей лошастью. Сам Владимир Алексеевич, сотрудник музея Б.В.Богданов и орловский художник В.А.Дудченко, очевидно, шли пешком... На фотографиях, которые Владимир Алексеевич подарил мне потом на память об этой замечательной поездке, запечатлены несколько раз отдельные эпизоды её.

Невозможно перечислить все встречи с В.А.Громовым на тургеневских конференциях и научных сессиях в Орле и Ленинграде, где он всегда выступал ярко и эмоционально, так как любил русскую литературу, в особенности Тургенева и Некрасова.

Вспоминается и наш поход с В.А.Громовым в Ленинградский Дом учителя летом 1971 г., где выступал народный театр ЗИЛ'а (Москва), руководимый заслуженным деятелем искусств С.Л.Штейном. Нам, зрителям, очень понравился "Месяц в деревне" Тургенева в постановке этого коллектива, тесно связанного с Тургеньевым и Орловщиной.

И хотя Владимир Алексеевич в этот приезд в Ленинград, как всегда, без устали работал в Публичной библиотеке и архивах, он все же нашел возможность пойти на тургеневский спектакль. И даже напечатал после этого просмотра весьма положительную рецензию, в которой подробно анализировал игру отдельных исполнителей. Она была напечатана в "Орловской правде" (1971, № 146 от 20 июля).

Когда я уже не смогла ездить на Тургеневские конференции в Орел и проводить лето в Спасском-Лутовинове, мы с Владимиром Алексеевичем активно переписывались, и он часто бывал у меня. Обычно приходил поздно - после закрытия читальных залов Публичной библиотеки - рассказывал о всех орловских литературных новостях, конференциях, о своих находках, об участии в "Тургенев-

ской энциклопедии", в которую он был одним из основных вкладчиков.

Мне не раз приходилось рецензировать работы В.А.Громова до выхода их в свет, в частности, книгу "Писатель и критика" (Тула, 1986 г.). Но и он в свою очередь содействовал появлению в печати моих статей. С особенными чувствами благодарности вспоминаю я, как он, зная, что я уже писала о Б.К.Зайцеве, порекомендовал мне написать еще статью о книге этого писателя - "Жизнь Тургенева" (Париж, 1949)». И она была написана мною и напечатана в сборнике "И.С.Тургенев и русская литература". [Научные труды, т. 217, Курск, 1982 год]. А ведь о Б.К.Зайцеве тогда еще далеко не все осмеливались говорить и писать...

Мои воспоминания "Встречи в Спасском-Лутовинове" были отвергнуты редакцией "Спасского вестника", но В.А.Громов лично передал их в газету "Просторы России", где они и были опубликованы (№ 45 от 6 ноября 1997 г.).

Совсем недавно вышла последняя книга В.А.Громова "Под сенью Пушкина" (Орел. 1999). В ней, по мнению тургеневода Е.И.Кийко, к которой присоединяюсь и я, проанализирован огромный эпистолярный и литературно-критический материал, посвященный Тургеневу и Пушкину, в том числе и периферийный, не привлекавшийся ранее в такой полноте. Большое место в книге занимает анализ архивных источников. Все это дало возможность автору по-новому осветить некоторые аспекты творчества Пушкина и его младшего современника И.С.Тургенева, обеспечить историческую последовательность и преемственность их творчества... Привлекает и эмоциональность изложения материала, что свидетельствует о глубокой заинтересованности автора в исследуемом им материале.

Очень горестно сознавать, что от нас ушел очень жизнерадостный и добрый человек, большой ученый и писатель, лидер тургеневедения, неутомимый исследователь великой русской литературы.

Составители: Л.А.Балькова и Л.В.Дмитрюхина.
Редактор Л.В.Дмитрюхина
Компьютерный набор Е.М.Шинкова

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
Орловского областного комитета государственной
статистики. Тираж 100 экз. Заказ № 45

